

Сказания Бореалис

СИНЕЕ ПЛАМЯ

Людмила Плеханова

18+

Людмила Плеханова

Сказания Бореалис. Синее Пламя

«Автор»

2026

Плеханова Л.

Сказания Бореалис. Синее Пламя / Л. Плеханова — «Автор»,
2026

Мира Олластер верила, что сможет оставить прошлое позади. Скрыть имя. Заглушить силу. Найти ответы и вернуться прежней. Но дорога ведёт её всё глубже - к древним знаниям, забытым народам и тайнам, которые Империя предпочла бы похоронить навсегда. Там, где одни ищут спасение, другие видят угрозу. Там, где должна была открыться правда, рождается новый страх. Синее пламя больше не молчит. Оно зовёт Миру вперёд, к выбору, после которого уже нельзя будет остаться простой беглянкой. Империя привыкла стирать чужую память. Но что случится, если память вспыхнет вновь?

© Плеханова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 7	33
Глава 8	40
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Людмила Плеханова

Сказания Бореалис. Синее Пламя

Глава 1

Астария, столица империи, сияла в лучах осеннего солнца. На улицах развевались знамена с гербом дома Вигилиус - золотым солнцем, символом тепла и света. Город гудел: в Астарию стекались люди со всех концов империи. Богатые и бедные, торговцы и зеваки - каждый стремился попасть сюда в эти дни.

На главной площади шумела ярмарка. Лицедеи и клоуны веселили народ, торговцы предлагали лучший товар, надеясь распродать его в ближайшие дни. Таверны ломились от посетителей, а на постоянных дворах - даже самых богатых - не осталось ни одного свободного места.

Причина всеобщего оживления была веской: в столицу возвращался наследник императора. Флавий Вигилиус, высокий красавец с золотой гривой волос, должен был со дня на день предстать перед отцом и Советом. В его честь во дворце готовился пир, а в городе - раздача еды беднякам. Император считал своим долгом разделить радость с народом.

Тем временем, пока город готовился к встрече наследника, сам император Флорий беседовал со своей супругой в покоях. Их разговор прервал слуга, объявивший о приезде особого гостя.

- Рад видеть вас в здравии, матушка! - произнёс Флорий, встречая старую императрицу Клавдию.

Высокая женщина с аккуратно убранными серебряными волосами и черном простом платье чинно вошла в комнату. Она холодно протянула сыну руку и смерила взглядом молодую невестку. Рьяна почтительно поклонилась, приветствуя свекровь. Все трое сели, и, помолчав, император обратился к матери:

- Я не получал писем, что вас стоит ожидать в ближайшие дни.

- Как же так? Мой любимый внук возвращается, а я должна остаться в стороне от этого? - её голос прозвучал ледяным упрёком.

- Вы могли бы предупредить. Для вас бы собрали лучший экипаж...

- А разве те слуги и солдаты, которыми вы окружили меня в моем замке в Дредлоке, недостаточно хороши?

Император лишь улыбнулся. Мать осталась непоколебимой - холодная, как статуя. Морщины её лица будто застыли в выражении прошлых лет, когда её жизнь ещё имела смысл. Всё изменилось, когда сын сослал её подальше от столицы - «успокоить нервы», как выражались его лекари.

- Я буду рада выделить вам своих лучших служанок, если позволите, - вмешалась Рьяна, стараясь разрядить напряжение.

- Что вы, душенька. Я доверяю только своей прислуге. Но всё же благодарю за попытку.

- Вы надолго к нам?

- Разумеется. В нынешних обстоятельствах моё присутствие здесь необходимо.

Император нервно посмотрел на мать. Снова те же ощущения - будто он подросток, и эта строгая женщина решает за него всё.

- Я так понимаю, вы ещё не объявили? Ждёте удобного случая, - Клавдия перевела взгляд на невестку. - Пара месяцев, не больше?

Рьяна испугано прижала ладонь к животу.

- Откуда вы...

- Милочка, я прожила дольше, чем тебе кажется. Жизнь матери и императрицы учит многому. Здесь все всё знают, просто делают вид, что нет.

- Рьяна узнала об этом всего пару дней назад, - вмешался Флорий. - Мы сочли уместным объявить на пиру.

- И что же? В день прибытия наследника ты объявишь о сопернике на престол?

Рьяна хотела возразить, но смолкла. Она носила под сердцем сына - так сказали лекари и служители Великой Матери. Первый ее сын, подарок для императора. Но взгляд Клавдии прожигал её холодом. Молодая императрица знала о ней немного: та была на их венчании, а потом уехала, обиженная, забытая. Сейчас перед ней сидела сухая, бледная женщина - кожа, словно пергамент, волосы, как тонкие серебряные нити. Закрытая книга, страницы которой никто не мог прочесть.

- Вероятно, пора на примерку, дорогая, - сказал Вигилиус жене. Та покорно поклонилась и вышла.

Сын и мать остались вдвоём. Некоторое время они молча всматривались друг в друга.

- Великий Отец, - заговорила Клавдия. - Ты забыл все мои уроки...

- Что же я сделал не так на этот раз, мама?

- Ты? Император? Разве можешь ты ошибаться? И всё же... слухи доходят такие, будто ты сын пастушки, а не мой: казни, мятежи, теперь ещё этот ребёнок. Мы будто вернулись в прошлое.

- Да. Вот только в мое прошлое, не в твое.

Клавдия поднялась. Её тень вытянулась, заслонив полкомнаты. Она подошла ближе, наклонилась к сыну.

- Не смей нас сравнивать. Всё, что я делала, было ради тебя. Ради императора, каким ещё не видел свет.

Она говорила шёпотом, но слова ее звучали эхом в его ушах. Вигилиус закусил губу, сжал кулаки. Мать заметила это и чуть отступила.

- Кларис еще не вернулся?

- Нет, ведет войска с юга.

- Бедный мальчик. Как он расстроится, когда поймет, что не он теперь последний сын. Его отречение было такой глупостью...

- Ты прекрасно знаешь, мама, что если бы не ты...

- Если бы не я, сейчас на троне сидел бы твой жалкий братец Клетус. Скорее всего пьяный и окруженный женщинами, как твой отец. Или Северинус, что еще хуже: казна была бы пуста!

- В таком случае будь добра, раз уж на троне сижу я, то относись ко мне как к императору, а не как к мальчишке!

Флорий ударил кулаком по подлокотнику. Клавдия подошла ближе, коснулась его подбородка длинными пальцами.

- Ты всегда будешь для меня мальчишкой, которого воспитала я. Которого сделала я. И нравится тебе это или нет, но ты обязан быть благодарен.

Она легко поцеловала его в щеку и села в кресло.

- Так зачем ты здесь на самом деле?

- Я все сказала: увидеть внука, проследить, чтобы ты не наделал глупостей. Понимаю, ты ощутил настоящую свободу, когда отправил меня в тот холодный замок. Но сейчас тебе нужна моя помощь, хочешь ты того или нет. Я, как любая Мать, чувствую это.

- Хотя бы не пугай гостей своим нравом. Горный воздух явно изменил тебя.

- С собой я привезла все маски, что могут пригодиться. И знаешь... удивительно, что за двадцать лет ты так и не изменился.

Глава 2

Мира и Лето уже несколько недель спускались по Свартвару. В одних краях её называли Миотой, но суть была одна - река тянулась с холодных северных гор к югу, впадая в широкое озеро. Туда и лежал их путь: капитан пообещал высадить их в прибрежном поселении, откуда они продолжат дорогу верхом.

Каждая остановка открывала новые краски. В северных деревнях люди встречали путников настороженно, но чем дальше на юг - тем теплее становились улыбки, тем щедрее столы. Густые леса уступили место болотам, и тут судно пристало лишь один раз - словно спеша уйти из этих краёв.

В таверне, где они остановились, пахло тухлой рыбой и мокрой глиной. Мира передёрнула плечами, стараясь не вдыхать полной грудью. Лето молча наблюдал, как оборванные дети сновали между столами, хватаясь за подола, прося монетку. В их глазах застыл голод, и это было тяжелее вынести, чем запах сырости.

Старик за стойкой ворчал, что земля давно не даёт урожая, а рыбы в реке всё меньше. Люди жили подаяннем и теми редкими кораблями, что приносили с собой не только товары, но и надежду. Мира поймала себя на мысли: чем дальше они плывут, тем яснее становится, что река несёт их не только к озеру, но и в самую гущу перемен.

Корабль снова взял курс вниз по течению. Вечерами, когда солнце опускалось к горизонту и туман поднимался над водой, Мира выходила на палубу. Она любила слушать, как плескались волны о борта, и смотреть на багровые отблески заката, растекавшиеся по реке. В эти часы Лето чаще молчал, но его взгляд говорил больше слов: тревога не покидала его.

- Ты всё время насторожен, - однажды заметила Мира.

- В южных землях всегда стоит быть настороже, - тихо ответил он. - Здесь граница не только земель, но и судеб.

Слова Лето застряли у неё в памяти. Чем дальше они плыли, тем чаще встречались им стражники на пристанях, и тем внимательнее люди смотрели на чужаков. Торговцы улыбались, но в их глазах сквозило недоверие.

Однажды ночью корабль пристал к крохотной деревушке. Лес вокруг стоял чёрной стеной, и казалось, что из-за каждого ствола наблюдают. Пассажиров просили не сходить на берег, и даже капитан выглядел мрачнее обычного. Лишь короткий обмен товарами - и снова в путь.

Мира долго не могла уснуть. Сквозь щели в бортах доносился запах дыма и болотной тины. Где-то вдали кричала ночная птица. Лето лежал рядом, не смыкая глаз. Он знал: впереди ждёт не только озеро, но и испытания, о которых капитан предпочитал не говорить.

За болотами начинались плодородные земли. Поля Межземелья золотились хлебом, и крестьяне спешили собрать богатый урожай, забить скот - всё ради грядущих холодов. Мира сразу заметила разницу: жители здесь отличались от тех, кого они встречали в болотах. Улыбчивые, сытые лица, довольные дети на улицах. На рынке гудела торговля, смех перекликался с криками зазывал, а в тавернах царило оживлённое веселье. Даже солнце, казалось, грело теплее.

- Как так выходит, что в одной империи люди живут так по-разному? - тихо спросила Мира, оглядываясь вокруг.

- Земля разная, - ответил Лето за ужином в местной таверне. - Одних топь кормит, других - поля.

- В дневнике отца я нашла описание города, - продолжила Мира. - Круштарц, на южном берегу озера Драконий Зуб. Оттуда идёт дорога на юг, так что мы не заблудимся.

Она замолчала, словно пыталась припомнить что-то ещё.

- А дальше?

- Дальше всё запутаннее. Отец писал, что ему запретили указывать точное место храма. Только одна фраза: «Нужно идти по хвосту дракона».

Лето нахмурился.

- Хвост дракона... Знаю лишь Хребет Дракона, те горы на севере.

- Я тоже о «хвосте» никогда не слышала. Может, на месте поймём.

- Есть ещё какие-нибудь ориентиры?

- Да. Южнее - деревня у подножья гор, Вартур. Дальше только эта странная фраза... и ничего больше.

- Как думаешь, он действительно был там? В храме, библиотеке... как он называл это место?

- Думаю, был. Следующие записи появляются лишь через несколько месяцев. Листы не вырваны - просто пустые страницы. А потом он пишет, что узнал нечто важное, но ему запретили рассказывать.

- Значит, возвращался домой с тайной, - задумчиво сказал Лето.

- Хвост дракона... Что за странная любовь к драконам? - улыбнулась Мира.

Они допили вино и замолчали, наслаждаясь короткой передышкой.

К тому времени, как они добрались до Круштарца, осень почти иссякла. Солнце светило холодно, небо застыло серым. С гор тянул пронизывающий ветер, неся с собой первые, ещё хрупкие снежинки. Мира и Лето простились с капитаном, попросив его передать благодарность императору Кану. В дар им выдали лошадей, нагрузили провиантом и добавили по мешочку золота - «подарок от императора», как сказал капитан. Наконец друзья могли двинуться дальше.

Дорога на юг шла сквозь деревни, где они ночевали у крестьян. Крепостей и городов здесь не было. Купцы обходили горы с запада, держа путь по императорскому тракту. А здешний народ - рыбаки и фермеры - жил сам по себе. Говорили, что дворец и вовсе редко вспоминал о землях ниже Драконьего Зуба.

Чем дальше к югу, тем менее приветливыми становились люди. Постоялые дворы исчезли, и лишь изредка удавалось уговорить крестьян за пару монет пустить их под крышу - то в дом, то в амбар. Но вскоре двери стали закрываться, и путникам приходилось ставить лагерь прямо в лесах.

Спустя несколько недель они добрались до Вартура. Деревня лежала в долине, со всех сторон сжатой горами. Снег ложился на крыши низких домов, из труб валил густой серый дым. Местные косо глядели на пришлых и быстро отворачивались. На вопросы Мира и Лето о «драконе» и «его хвосте» одни отвечали коротким «нет», другие уходили, не сказав ни слова. Друзья бродили по улицам, надеясь разглядеть хоть какой-то символ или знак, но всё было обыденно.

Уставшие и продрогшие, они нашли таверну - неожиданно большую, крепкую постройку на окраине, у самой горы. Рядом бежала звонкая речка, а у подножья тянулась роща.

Внутри их встретила дородная женщина с тёплой улыбкой.

- Лошадей ставьте в конюшню, - сказала она. - Сегодня ветер лютый, к ночи и выюга может разыгаться. Оставайтесь, у меня есть свободные комнаты.

- Простите, - осторожно спросила Мира, - но откуда у вас в такой глуши таверна?

- Да, - подхватил Лето, - по пути мы ничего подобного не видели.

- А, давным-давно неподалёку стоял форт, - охотно объяснила хозяйка. - Мужик один сообразил, что солдатам и стражникам нужен отдых, вот и построил таверну. Потом форт оставили - войска забрали на север, а здание пустует до сих пор. У меня теперь редко гости бывают: то путник случайный, то чудики какие-то... Вы из каких будете?

- Скорее из первых, - уклончиво ответил Лето. - Мы ищем одно место на юге, но пока безуспешно.

- И что же за место? Может, я знаю?

Мира замялась. Отец писал: хранить тайну. Может, местные и правда что-то скрывают. Если расскажет всё - им уж точно не откроют дорогу.

- Ничего особенного, - улыбнулась она. - Говорят, горы у вас красивые. Только мы дороги туда не нашли.

Хозяйка рассмеялась громко, по-доброму:

- Ох, видно, скучно вам на севере, если аж за горы сюда приехали! Ладно, пойдемте, покажу комнаты. Ужин скоро будет готов.

Как и говорила хозяйка таверны, Трана, к вечеру разыгралась вьюга. Мира и Лето никогда не видели ничего подобного. Из окна соседние дома едва угадывались в белой пелене. Ветер выл и гудел в трубе камина, но внутри таверны было тепло и тихо. Потрескивал огонь, и редкие путники молча делили хлеб и кружки эля.

За соседним столом торговцы перешёптывались с паломниками. Из их рассказов Мира узнала, что на востоке есть обитель, где хранятся старые легенды - ещё до времён Вигилиусов. Сердце её дрогнуло: неужели это тот самый храм? Но быстро выяснилось: обитель стоит в низине, среди равнин. Ни гор, ни драконов там не было.

- Как всё запутано, - вздохнула она. - Неужели нельзя было оставить ещё хоть какие-то подсказки?

- Может, мы чего-то не заметили, - мягко ответил Лето. - Или поняли не так.

На мгновение в зале повисла тишина. За окнами вьюга глушила мир, и эта тишина звучала особенно тяжело.

- Помнишь, - тихо сказала Мира, - как мы в детстве прятались на башне у твоего отца?

Лето усмехнулся:

- Конечно. Ты тогда заявила, что если упадёшь, я обязан поймать.

- И ты поймал, - улыбнулась она.

- Но сам чуть не свалился.

- Да, и всё равно полезли снова.

- Мы тогда клялись быть друзьями навсегда.

Она сказала это легко, но глаза её задержались на нём чуть дольше. Лето отвёл взгляд, но улыбка осталась на губах.

Позднее, когда ветер особенно грохотал в ставнях, Мира сидела у окна, глядя в белую пустоту. Лето подошёл и набросил ей на плечи свой плащ.

- Простудишься, если так сидеть, - сказал он негромко.

Мира вздрогнула и повернулась к нему. Тепло от плаща будто сильнее жара камина.

- Спасибо, - шепнула она.

- Мы справимся, - тихо добавил он, словно больше для себя.

На следующий день метель не утихала. С гор мёл снег, настоящая буря. Они провели несколько дней в таверне: еда была сносной, ночлег дешёвым, но они чувствовали себя в тупике.

- Смотрите, как назло, духи будто злятся! - Трана махнула на окно. - Не пускают вас в горы.

- У вас часто такое? - спросил Лето.

- Про выюги? Да, бывает. Горы рядом, куда без холода. Да и громадину эту обогреть надо, - хозяйка обвела руками зал.

В этот момент Лето заметил на потолке странные цепи.

- А это что там висит?

Мира подняла голову. С балки свисали два коротких звена.

- А, это? - Трана махнула рукой. - От отца ещё осталось. Тут раньше дракон висел, деревянный, резной.

- Дракон? С хвостом? - Мира и Лето переглянулись.

- А то! И место это раньше «У Дракона» называлось. Потом я сменила название - «Тёплый очаг». Дед говаривал: наши предки, что пришли из Дрекерфора, были воинами и поклонялись драконам. Они и назвали горы: на севере - Хребет Дракона, на юге - Хвост. Мол, лежит великий дракон через все земли. Теперь про это мало кто помнит.

- А сам дракон где? Как он висел? - Мира шагнула ближе.

- Вон там, за прилавком. Пару лет назад один дурень повис на нём ради шутки - упал.

Трана ушла и вскоре вернулась с плоской деревянной резьбой дракона. Старый, покрытый копотью и жиром, но целый: и голова, и тело, и хвост.

Мира провела пальцами по шершавым линиям.

- А висел он как?

- Мордой к входу.

- Значит, хвостом - в сторону южных гор?

- Ну да.

Мира и Лето снова встретились глазами. На этот раз в их взгляде было и облегчение, и радость - словно они вдвоём разгадали тайну, которую не могли понять одни.

- «Иди по хвосту дракона», - прошептала Мира. - Всё это время дорога вела туда... в горы.

- Как все просто оказалось. Шли на юг, к горам. Туда и дальше, в горы...

- Да, а горы – это и есть Хвост дракона... И этот дракон и указывает туда же...

- Эй, ребята, а вы о чем? – хозяйка подбоченилась, подошла к говорящим. Ее лицо вдруг стало серьезным, губы сжаты.

- Да так, просто...

- «Нужно идти по хвосту дракона», - Мира перебила юношу, - так написано в старых записях. Нам нужно найти то место, к которому ведет хвост дракона.

- Хм, в записях?

- Да, - Мира доверилась Тране, достала из сумки отцовский журнал и раскрыла нужную страницу. - Мой отец бывал в этих землях. Вот, видите? «Нужно идти по хвосту дракона».

Женщина пробежала глазами строчки, хмыкнула.

- Странная фраза. Глупая даже. - Она вернула журнал. - И что вы ищете? То горы вам нужны, то какое-то место. Не договариваете.

Лето нахмурился. Он хотел остановить Миру: её вера в честность трактирщицы могла им дорого стоить.

- Мой отец был здесь много лет назад, - продолжила девушка. - Он искал храм, библиотеку... обитель со старинными знаниями.

- Так это ж паломники рассказывали: на востоке есть такое место, - пожала плечами Трана.

- Нет, - Мира покачала головой. - Отец писал, что прибыл именно в Вартур. Здесь нужно было искать хвост дракона и идти по нему.

- Думаете, через горы? - прищурилась женщина. - Это и есть Драконий хвост. Перевал опасный. Лучше идти на юг через западные границы, по тракту. - Она взяла бокал, принялась протирать. - Живее останетесь. А по правде, лучше бы вам вернуться домой, на север.

Трактирщица начала шумно двигать стулья, вытирать столы. Суэта показалась Лето нарочитой. Мира же вглядывалась в карту и думала: что если хозяйка права? С такими буранами они легко могут сбиться и погибнуть.

- Послушайте, это очень важно! - Лето шагнул ближе, но женщина продолжала возиться с тряпкой.

- Явились тут, северяне... всё вынюхиваете, - пробурчала она.

- Простите, но это действительно важно, - вмешалась Мира. Голос её дрогнул. - Мой отец... он был здесь. Он искал ответы о болезни, что течёт в нашей крови. Но его убили. И теперь никто не может сказать мне, что делать дальше... - Она наклонилась ближе и почти шёпотом добавила: - Моим отцом был Теодор Олластер.

- Мира! - Лето дёрнул её за рукав. Но она не остановилась.

- У меня больше никого нет. Эти записи - всё, что осталось. Я рискую своей жизнью, называя имя моего дома. Но я вижу, вы знаете больше, чем говорите. Помогите нам!

Трана застыла, глядя на тряпку в руках. Долго молчала. Потом выдохнула и сказала:

- Соболезную твоей утрате, милая. Но я не знаю ничего об этом месте. Не бывала там. И разговор окончен.

У Миры опустились руки. Её надежда растаяла, как снег в огне. Казалось, что таверна и эта женщина могли стать ключом... но снова тупик.

- Что ж, опять в тупике, - сказала она вечером, когда они ужинали вдвоём.

За окном по-прежнему завывал ветер, заметая деревню снегом.

- Говорят, буря продлится ещё несколько дней, - пробормотал Лето.

- Значит, будем сидеть и думать.

Он нахмурился.

- Понимаешь, теперь она знает, кто ты. Может выдать.

- Тут нет имперских солдат, - устало ответила Мира. - Это глушь, никто нас искать не будет.

- Возможно. Но больше так не рискуй. Хорошо?

- Угу. Последующие дни Мира снова и снова перелистывала записи отца, надеясь заметить то, что ускользало раньше. Лето бродил по таверне: почистил меч, проверил лошадей, потом предложил помощь Тране и перетаскал дрова.

Наконец погода смиростивилась. Снегопад прекратился, небо просветлело. Люди вернулись на улицы, спеша по своим делам. Мира и Лето собрали вещи: решили остаться ещё на одну ночь, а утром двинуться на запад.

Когда они сообщили об этом Тране, та внимательно посмотрела на обоих. В последние дни она была холодна и немногословна, и потому внезапная улыбка на её лице удивила их.

— Упрямые вы... Ну да ладно. Вам же припасы нужны в дорогу? Я дам их. Бесплатно. Только одно дело сделаете для меня. Отнесёте пару мешков. По пути будет: зерно да вяленое мясо, ничего такого. Поможете?

— Конечно. Далеко? — уточнил Лето.

— Полдня верхом. Для наших мест — рядом. С лошадьми и не заметите, как время пролетит.

Они переглянулись и согласились.

— Вот и славно! — хозяйка хлопнула ладонями. — Отдыхайте, завтра всё будет готово.

Мире показалось странным это внезапное радушие. Ещё вчера Трана едва кивала им, а сегодня — припасы, помощь, даже обещание выдать тёплую одежду. «Почему?» — подумала девушка. Но возражать не стала: зима надвигалась, одежда от императора Кана плохо годилась для здешнего холода.

Утром друзья спустились вниз. Их ждали миски горячей каши, два мешка для доставки и несколько мешочков еды в дорогу. Вышли втроем на улицу: морозный воздух ударил в лицо, снег слепил глаза, а солнце сияло в чистом небе.

— Что, северяне, не привыкли к такому холоду? — поддела их Трана. — А ведь это ещё не зима!

Они погрузили мешки на лошадей. Лето уточнил:

— Значит, выехать из деревни через западные ворота и прямо?

— Ах да, — Трана прищурилась. — Совсем забыла... Вам нужен другой путь. Видите ту рощу?

Мира кивнула: вчера она уже приметилла её.

— Вот туда и держите. Через рощу выйдете на дорогу в горы. Там не заблудитесь. К закату дойдёте.

— В горы? — Мира растерянно посмотрела на Лето, потом снова на хозяйку. — Но вы ведь говорили, что там только перевал на юг, и всё!

— Да? — протянула Трана. — Значит, память подвела... Там есть деревушка. Староста Крастос. Скажите, что от меня. Я давно собиралась передать им припасы.

— Но как же запад? Вы же...

— Тсс, милая, — Трана резко оборвала её, пригрозив пальцем. — Сказала — значит, туда. Не задавай лишних вопросов. Всё, что мне нужно было узнать, я уже узнала. Давайте-ка вперёд, пока я не передумала.

Она буквально подтолкнула обоих своими сильными руками. Мира и Лето обменялись быстрым взглядом, но возражать не стали. Сели на лошадей и направились к рощице — туда, куда указала хозяйка.

Глава 3

Мира не понимала, чего добивалась хозяйка таверны. Хотела ли она их запутать или, наоборот, вывести к храму? Вчерашняя резкость в разговоре и внезапное «радушие» сейчас оборачивались странным советом: идти не на запад и не на восток, а прямо в горы. В горы, что когда-то назывались Драконьим хвостом, туда, куда указывал деревянный дракон в таверне.

— Как думаешь, что нас там ждёт? — спросила Мира, когда они только начали подъём.

— Деревня, или медведи с волками. А может, и драконы, — ответил Лето. — Скоро узнаем.

Дорога давалась нелегко. Старая тропа, замётённая снегом, угадывалась по выемкам в скале — словно веками её точили колёса телег и копыта. Чем выше они поднимались, тем холоднее становился воздух, а ветер бил всё сильнее. Иногда путь резко уходил вверх, иногда спускался в узкую долину, только чтобы снова увести на новый подъём.

Горы росли вокруг них, словно оживали. Белые пики нависали со всех сторон, и казалось, что друзья пробираются в само сердце камня. Дорога петляла, покинутой деревни внизу давно не было видно. Каждый шаг коня отдавался гулким эхом.

Мира всё чаще натягивала воротник, чувствуя, как холод пробирается под одежду. Лето молчал, но держал руку на поводьях крепче обычного. Их окружала тишина, нарушаемая лишь скрипом снега под копытами и завыванием ветра между каменных стен.

К счастью, припасы оказались лёгкими для лошадей, а плотный завтрак ещё грел изнутри. Когда пошёл снег — лёгкий, мягкий, растворяющийся в воздухе, — они как раз взобрались на крутой подъём.

И вдруг впереди открылась долина. Среди леса, на вершине, стояла деревушка. Деревня, забытая богами и людьми. Вокруг — частокол, а у ворот высилась смотровая башня. Для такого места это выглядело странно, будто здесь ожидали врагов.

Внезапно раздался гул труб. Их заметили

— Видимо, нас ждёт не самый радушный приём, — заметил Лето, когда они с Мирой подъехали к воротам.

У входа уже стояло пятеро мужчин с топорами. Крупные, широкоплечие, закутанные в тёплые меха, с густыми бородами — таких путники ещё не встречали.

«Похожи на дикарей из Дредлока... значит, и правда их потомки», — подумала Мира.

— Кто такие? — хрипло спросил коренастый темноволосый.

— Мы от Траны, — ответил Лето. — У нас для вас посылка. Она велела передать мешки старосте Крastosу.

Мужчина обвёл взглядом их лошадей, потом коротко кивнул.

— Лошадей уведут. А вы — берите груз и идите к Крastosу.

Мира и Лето подчинились. Спорить с местными не хотелось: их лица не выражали ни радости, ни доверия.

Пока они шагали по улице, на них оборачивались жители. Мужчины и женщины в тяжёлых мехах, с румяными щеками, казались сильнее и здоровее крестьян с равнин. Гладкая светлая кожа, блестящие глаза — и дети, что весело носились меж домов, но при виде чужаков замирали и с любопытством разглядывали.

— Не часто у вас тут бывают гости? — попытался заговорить Лето.

В ответ — молчание.

Наконец они дошли до длинного одноэтажного здания. Никаких украшений, глухие стены без окон, выделялось лишь размерами.

Внутри их окатило теплом и запахом еды. Воздух был густой от дыма и жира: под потолочными балками висели копчёные окорока и связки трав, стены украшали трофеи — рога

олений, медвежьих шкуры, старые щиты. Вдоль стен тянулись длинные столы со скамьями, где ели и разговаривали люди. Между ними горели факелы, а в центре залы — большой очаг, вокруг которого сидели старики. Всё пространство напоминало длинный дом северян, где и жили, и пировали, и решали дела.

У дальней стены возвышался деревянный трон. На нём сидел мужчина в годах. Его лысый череп был изрезан шрамами, рассечённая бровь делала взгляд суровым, а густые усы перетекали в длинную бороду. Это и был староста — Крастос. Перед ним что-то полушёпотом рассказывали несколько стариков. Остальные же — едоки и молодые воины — бросали взгляды на вошедших чужаков, не скрывая любопытства.

Когда Мира и Лето перешагнули порог, на них никто не обратил внимания. Лишь мужчина у двери — охранник — громко приказал:

— Всё оружие сдавайте. Ножи тоже!

Пришлось подчиниться. Когда они закончили, тот, что встретил их у ворот, подошёл к Крастосу и что-то быстро сказал. Староста кивнул, отпустил стариков, что стояли перед ним, и жестом подозвал чужаков.

— Меня зовут Крастос. Я староста этой деревни. Зачем вы пришли? — хриплый бас разнёсся по залу.

— Меня зовут Лето, это Мира, — спокойно ответил юноша. — Трана, трактирщица из Вартура, велела передать вам мешки с едой.

Они поставили ношу на пол. Крастос велел проводнику проверить её. Тот заглянул внутрь мешков, кивнул.

— Обычно Трана привозит всё сама. Мы давно знаем её семью. Так что вопрос остаётся: зачем вы пришли сюда?

— Она сказала, что нужно доставить припасы, — повторил Лето. — Другой причины нет. Староста сузил глаза.

— Эта женщина не отправила бы чужаков просто так. Значит, либо вы врёте, либо скрываете правду.

В зале раздался звон стали — несколько мужчин положили руки на оружие. Мира почувствовала, как сердце ухнуло вниз. Ещё один приказ — и их убьют.

— Позвольте объясниться, — сделала шаг вперёд она. Тут же холодное лезвие коснулось её горла — их проводник уже держал нож.

— Возможно, я знаю, почему мы здесь, — выдохнула Мира, глядя прямо на Крастоса. — Но это вам решать, так ли это.

Тот усмехнулся и махнул головой. Лезвие убрали.

— Хорошо, девочка. Говори.

— Моё имя Мира Олластер. Мой отец, Теодор, бывал здесь много лет назад. Он искал место, важное для нашей семьи. Я должна найти его.

— И зачем тебе это место, о котором ты почти ничего не знаешь?

— Там... должны быть ответы.

— Ответы на что?

Мира замаялась. В груди поднялась волна сомнений. Она вспомнила свою силу, которая исчезла несколько месяцев назад: ярость, шёпоты, голоса, что терзали её и грозили поглотить. А теперь — тишина. Даже проклятие отвернулось от неё, оставив пустоту. Слабая, как всегда. Может, всё это было лишь безумием?

Щелчок пальцев вывел её из мыслей. Крастос сказал что-то на незнакомом языке, и их тут же схватили. Мира и Лето оказались зажаты в железных руках. Лето дёрнулся, но силы противников были куда больше.

— Для чужаков есть только одна причина прийти сюда. Вы её не назвали, — произнёс Крастос.

Он поднялся со своего трона. В руке блеснул нож.

— Скажи им! — выкрикнул Лето.

— Поздно. Время ушло, — хрипло ответил староста, приближаясь.

Сначала он шагнул к Лето.

Он поднял нож и схватил Лето за руку. Одно быстрое движение — и лезвие рассекло ладонь. Струйка крови закапала на пол.

— Что вы делаете?! — вскрикнула Мира, увидев, как Крастос подставил чашу и стал собирать кровь юноши.

Лето замер. Он ждал удара насмерть — но вместо этого кровь капала в воду. Местные не были дикарями, как казалось сначала. Они жили обособленно — и явно по своим законам.

Староста внимательно посмотрел на юношу, затем подошёл к Мире. Та не сопротивлялась — какой смысл? Лезвие чиркнуло по её коже, и в чашу упала новая капля крови. Крастос pokrutil чашу, перемешивая содержимое, и взгляделся.

— Блайер! — гулко произнёс он, поднимая сосуд. Жидкость внутри засветилась бледно-синим.

Воины немедленно отпустили Миру и Лето. Чашу передали старухе, и та унесла её прочь.

— Так значит, ты носитель, — сказал Крастос, возвращаясь на трон. — Силы? Проклятия? Как хочешь называй.

— Отец называл это проклятием, — тихо ответила Мира.

— Почему сразу не сказала?

— Я... не знаю, как этим управлять. Оно появилось само. И я не знаю, как от него избавиться.

— Избавиться? — Крастос усмехнулся. — Ты первая, кто пришёл с такой просьбой.

— Первая? Значит, были и другие...

— Я живу дольше, чем можешь вообразить, девочка. — Он кивнул на Лето. — Ты доверяешь ему?

— Мы дружим с детства.

— Это не ответ. Доверяешь?

— Да.

— Тогда пусть остаётся. Сюда приходили многие, кто искал Силу. Носителям мы помогаем. А тех, кто хотел поработить её, мы убивали. Гармонию нарушать нельзя.

— А это что было? — вмешался Лето. — Кровь, вода... проверка?

— Проверка, — кивнул староста. — Когда кровь носителя касается нашей воды, она начинает светиться.

Мира шагнула ближе.

— Значит... вы поможете мне? То место, что искал мой отец, библиотека... оно здесь?

— Нет, — Крастос покачал головой. — Мы лишь привратники. Настоящее место — дальше, в горах. Святилище. Туда могут войти только носители. Мы служим им, а они — нам.

— Служите? Но если вы сами туда не ходите... как? — удивился Лето.

— Охраняем путь, даём им продовольствие, храним их тайны. Раз в месяц они спускаются за припасами. Взамен — источник в горах питает наши земли. У нас всегда урожай, дети не голодают, старики не болеют. Союз заключён века назад. Но знать больше тебе не нужно.

— Хорошо... что дальше? — спросила Мира.

— Завтра поднимешься в горы. Оружие и припасы оставишь здесь. Путь только для носителей.

— А я? — Лето посмотрел на неё. — Мне нельзя идти с ней?

— Нет. Там — только носители. Это их закон.

— Тогда пусть он хотя бы останется с вами, — сказала Мира. — Может помочь в хозяйстве, пока я не вернусь.

Крастос прищурился.

— Если у него хватит сил работать — пусть остаётся.

Вечером они оказались в большом зале старосты. Там шумело застолье: местные ели, пили, переговаривались, смеялись. На Миру и Лето почти не обращали внимания — ни подозрений, ни чрезмерной радушности. Будто они были своими, обычными соседями.

— Староста сказал, чтобы я обратился к их мастерам, — Лето оторвался от миски с густой мясной похлёбкой. — Лесничий решил взять меня к себе в помощники.

— Лето Рейнхарт — хранитель белок и покоритель топоров? — Мира усмехнулась.

— Ладно тебе, не язви! — он рассмеялся. — Солдаты им тут не нужны, в стражу меня не взяли. Так что придётся колоть дрова и иногда спускаться вниз, к Тране, возить припасы.

— Думаешь, справишься? — Мира улыбнулась и шутливо толкнула его в бок.

— Если что — позову тебя, — подмигнул Лето.

Они рассмеялись. На миг стало легко и спокойно. Они дошли до цели, нашли место, о котором шли разговоры в дневнике её отца. Завтра Мира поднимется в горы и, возможно, узнает правду.

Она выдохнула и посмотрела на Лето. Щетина заметно обозначила скулы, глаза в полумраке зала казались ещё темнее. За эти месяцы он стал ей таким родным, что она почти не помнила, как раньше могла держаться от него на расстоянии.

— Я не знаю, сколько пробуду там... — тихо сказала Мира. — Но буду очень рада, если ты дождёшься меня.

— Дождусь, — ответил Лето. На скулах у него проступил лёгкий румянец. — Я хочу дождаться тебя.

Он отложил ложку, осторожно взял её руку. Поднёс к губам, поцеловал. Щетина мягко кольнула её кожу. У Миры перехватило дыхание, и она смогла лишь улыбнуться.

— Я хочу... — начал Лето, но Мира мягко высвободила ладонь.

— Хочу, чтобы ты позаботился о лошадях, — произнесла она, стараясь сохранить лёгкость в голосе. — Если понадобится, спусти их к Тране. У нас хватит денег на корм. Я ведь и своих тебе отдала.

— Да, конечно, — кивнул Лето. Но глаза его задержались на ней чуть дольше, чем стоило.

Глава 4

Рано утром Миру разбудили: пора было отправляться в путь. На улице ещё не рассвело, последние звёзды догорали в чернеющем небе. Она заранее оставила оружие и вещи. Лето. Даже записи отца нельзя было взять с собой. Девушка решила не будить товарища — сердце сжалось при мысли, что уходит одна.

Староста дал ей последние напутствия: дорога почти всегда идёт в гору, поворотов нет, заблудиться невозможно. Мира поблагодарила его и, сопровождаемая стражниками, дошла до восточных ворот. Там её оставили одну. Впереди тянулась узкая тропа, скрытая снегом и окружённая горами.

Подъёмы становились всё круче. Горный воздух давил на грудь, каждый вдох давался с трудом. Когда солнце поднялось, она смогла лучше разглядеть вершины — острые, как зубья, они врезались в небо. Белые шапки лежали неподвижно, словно хранили вечный сон. Ни птиц, ни зверей — только хруст снега под её шагами. Недавняя буря стёрла все следы.

Она шла долго, и вскоре внизу осталась деревушка. Казалось, горы всё ближе, вот-вот начнётся сам подъём, но путь всё вёл вперёд, затягивая в их холодное сердце. Мороз кусал щёки, глаза слепило снежное сияние.

Наконец, она вышла к подножию высокой скалы, где бил из камня ручей. «Тот самый источник, о котором говорил староста», — подумала Мира. Чуть дальше тропа уходила в тёмную расщелину. Она шагнула внутрь.

Сначала там царила тьма. Но вскоре в темноте замелькали огоньки — крошечные голубые кристаллы, растущие прямо из каменной породы. Чем глубже она заходила, тем ярче становился свет. Кристаллы мерцали, как сотни замерших звёзд.

Мира осторожно коснулась одного. Ни тепла, ни холода — только мягкое свечение, будто внутри спало что-то живое. Она чувствовала: здесь сокрыто нечто большее. Будто сами кристаллы помнили истоки силы, той самой, что когда-то подарили людям. Но теперь это знание было забыто.

Она шла всё дальше, зачарованная этим сияющим коридором. Не заметила, как впереди замаячил выход. Мир снаружи встретил её яркой вспышкой, глаза пришлось зажмурить. Когда Мира открыла их, перед ней раскрылась широкая площадка, окружённая скалами.

По ней ходили люди в простых, свободных одеждах. В скалах вокруг высекали проходы: одни — величественные арки, другие — ряды колонн, украшенные барельефами. Камень будто оживал, превращаясь в узоры и истории. Мира подошла ближе к озеру у подножия и разглядела изящные резные линии — всё это дышало покоем и гармонией.

Она так заслушалась тишины, что не заметила, как к ней подошли люди. Один из них — высокий мужчина с ясным взглядом — мягко положил руку ей на плечо.

— Ты нашла нас, путница, — сказал он спокойным голосом. — Иди за нами.

Будто в дурмане, Мира, не сказав ни слова, пошла следом за говорящим и ещё несколькими людьми. Остальные собравшиеся вскоре разошлись по своим делам. Сопровождающие отвели Миру к высоким воротам, закрывающим один из ходов внутрь скалы. Внутри оказалось светло и тепло, что было неожиданным для девушки: ведь на улице зима, и они находились высоко в горах.

Пройдя несколько коридоров и залов, они оставили её в круглой комнате. По стенам стояли простые деревянные стулья, а в самом центре — табурет. Мире указали сесть и ждать «учителей». Затем сопровождающие ушли.

Когда дверь закрылась, Мира осталась одна. Молчание, тени, ощущение ритуала — всё это казалось ей правильным. Вот почему отец не писал об этом в своих записях: то, что здесь происходило, было слишком тайным, почти священным.

Время тянулось, и Мира начала нервничать. Вдруг её обманули? Вдруг здесь всё — ловушка? Может быть, сейчас она вовсе лежит в снегу, умирая, а всё это лишь предсмертный бред?

Наконец в тишине послышались шаги. Вошли двое — старик и женщина. Первый улыбнулся тепло. У него была жидкая борода, а на лысой голове тянулись синие узоры, перемежающиеся со шрамами. Женщина напротив была холодна и сдержанна, её взгляд был пронзителен.

— Рады видеть тебя, юная леди, — хрипло сказал старик. — Я мастер Тахир. Это моя ученица, Зарая. Она — главная сестра нашей Обители.

— Мира Олластер, дочь Теодора Олластера, — ответила девушка.

— Ах, род Олластеров... знаком нам, да, — Тахир задумчиво провёл рукой по подбородку.

Мира выдохнула:

— У меня тот же недуг, то же проклятие, что и у отца. Судя по его записям, он был здесь, — сказала Мира.

— Проклятие? — брови старика приподнялись.

— Да, эта... Сила. Так её называют в деревне.

— Ах, привратники. Да, для людей Песнь часто и правда звучит как проклятие.

— Я пришла, чтобы избавиться от неё. Вы можете помочь? — Мира вцепилась пальцами в край табурета.

— От Люмины невозможно избавиться, — продолжил Тахир. — Это как дыхание мира. Её можно приглушить, но не уничтожить. Твой отец тоже пытался — и всё же жил с Искрой до конца.

— Нет. Ты научишься владеть Песнью. Если не хочешь, чтобы она вела тебя к крови — направь её к защите. Мы будем рядом.

Мира подняла взгляд:

— «Носители» ... Будто мы таскаем её, как ношу.

— Да, люди извне зовут нас Носителями, — продолжил старик. — Но это слово грубое. Мы не носим Песнь, как груз. Мы — Созвучные. Хранители Песни. Мы лишь струны, звучащие в великой мелодии Люмины. Кто вторит ей — живёт в гармонии. Кто искажает — становится гнилью, искажением.

— А если Искра ведёт к убийству? — спросила Мира. — Разве это не проклятие?

— Всё зависит от того, что ты выберешь. Щит, что спасает друга, или клинок, что отнимает жизнь. Один и тот же источник, но разные мелодии.

— В детстве... я убила лошадь. Случайно. Потом — людей. В бою. Я не хотела, но они умерли от моей руки.

Зарая резко подалась вперёд, её глаза вспыхнули, как сталь в пламени.

— Значит, ты пролила кровь! — её голос стал резким, почти режущим. — Ты осквернённая. Гниль!

Мира встала, чтобы возразить, но вдруг почувствовала, как ноги словно вросли в каменный пол. Её дыхание перехватило, сердце забило в груди, а руки повисли, не слушаясь. Словно невидимые нити сковали каждое движение. В груди что-то зазвенело, будто чужая мелодия прорезала её собственную Искру и заставила замереть.

Она не могла даже моргнуть — только смотреть в глаза Зараи. И взгляд женщины был страшен: там не было ненависти ради ярости, там был холодный ужас, память о чём-то личном. В этот миг Мира вдруг поняла — Зарая не просто презирает осквернённых, она боится их.

— Довольно, — голос Тахира раскатился гулом. Он хлопнул ладонью по колену.

В тот же миг нити будто лопнули, и Мире вернулось дыхание. Она рухнула обратно на табурет, хватая воздух ртом. Зарая отстранилась, её грудь тяжело вздымалась, пальцы дрожали.

— Ты не понимаешь, мастер, — голос её был всё ещё твёрдым, но теперь дрожь пробивалась в каждом слове. — Они всегда говорят «я не хотела». Всегда! Но потом кровь течёт рекой. Я видела, что делает гниль. Мой брат... — она осеклась, прикусила губу и отвернулась. — Он был одним из них.

Тахир положил ладонь ей на плечо.

— Я знаю, Зарая. Но не все Искры одинаковы. Не каждый, кто ошибся, уже потерян.

Женщина молча кивнула, тяжело дыша. Лишь через несколько мгновений она вновь смогла взглянуть на Миру, и в её взгляде уже было меньше ярости, но больше настороженности.

— Не обижайся на Зарая, — мягко сказал Тахир. — Её раны глубоки.

Мира неловко поклонилась Тахиру и поспешила за Зарай, которая шла по коридорам быстрым, уверенным шагом. Девушка едва успевала. Снаружи они направились к другому входу, украшенному строгими колоннами. По пути встречались люди, они кланялись Зарае, а та лишь коротко кивала им в ответ.

— Мастер Тахир назвал тебя «главной сестрой». Это должность?

— Можно и так сказать, — холодно ответила женщина.

Только теперь Мира заметила её длинную косу, почти достающую до колен.

— А учить меня будешь ты или мастер?

— Мастер решает сам. Обычно он занимается новоприбывшими. Исключения редки.

— Но бывают?

— У тебя накопилось слишком много вопросов. Наберись терпения. Терпение — ключ ко всему.

Наконец они вошли в длинную комнату, где по обе стороны стояли ряды простых деревянных кроватей.

— Вот твоя. Твои соседки — хорошие женщины. Обращайся к ним, если что-то понадобится. Скоро начнётся трапеза, я отведу тебя туда.

Мира внимательно посмотрела на Зарая. Высокая, стройная, она напоминала туго натянутую тетиву. Её присутствие было тяжёлым. В каждом жесте чувствовалось напряжение и недоверие, словно сама близость к Мире приносила ей дискомфорт.

— Зарая, я не оправдываюсь, — начала Мира тихо, — но я убивала только потому, что должна была. Я не хотела.

Женщина повернулась к ней, и её зелёные глаза сверкнули, как клинки.

— А как же твоя лошадь? Ты ведь убила её, верно? Что ты почувствовала в тот момент? Злость? Обиду? Или... удовольствие?

Мира замерла. Её пронзили слова, словно острия кинжалов. Она не ответила, но внутри понимала: Зарая была права хотя бы отчасти. Тогда, в детстве, всё было иначе. Она не справилась с лошадью, и та начала брыкаться, сбрасывая её. Удары не помогали, и злость захлестнула её с головой. Яд ярости разлился по телу, пальцы сжались так, что побелели костяшки. Ей хотелось наказать упрямое животное. И тогда, впервые, Песнь откликнулась на её гнев. Лошадь рухнула замертво.

Зарая ничего больше не сказала, только жестом велела Мире следовать за ней. Она показала ей другие комнаты: ещё спальни, кухню, большую трапезную, где уже собирались люди. Запах хлеба и трав наполнял воздух, голоса сливались в размеренный гул.

Мира хотела спросить о библиотеке, о том, что упоминал её отец. Но сдержалась. Она чувствовала: разговор с этой женщиной никогда не будет лёгким. Ненависть, зародившаяся в самый первый миг их знакомства, пустила корни в сердце Зараи. И вырвать их будет очень непросто.

Когда они остановились у двери трапезной, Мира на миг задержалась. Изнутри доносился тихий гул голосов, будто далёкий хор. На секунду ей почудилось, что это не люди — а сама Песнь Люмины откликается где-то в глубине гор.

Глава 5

Как и ожидалось, мастер Тахир стал обучать Миру. Первые недели прошли в знакомстве с укладом обители и её людьми. Это место не имело названия, и все называли его просто — Обитель. Здесь жили мастера и ученики, и старшинство Тахира определялось не властью, а возрастом.

Иногда, глядя на него, Мира не могла отделаться от мысли, что старик выглядит слишком молодо для своих слов. Ему можно было дать лет шестьдесят, не больше. Но когда она однажды высказала это вслух, Тахир рассмеялся.

— Я стар, дитя. Не как эти горы, конечно, но видел куда больше, чем ты думаешь.

— Это Люмина помогает вам так не стареть?

— Можно и так сказать, — ответил он мягко. — Ты ведь уже заметила, что это место само по себе странно.

Мира кивнула. Действительно: как мог посреди холодных вершин бить тёплый источник, не знающий льда? Откуда здесь возникло плато, будто вытесанное гигантской рукой? Почему в глубине скал, в этих коридорах и залах, не было ни холода, ни духоты? Всё казалось слишком совершенным, слишком «собранным».

Тахир опёрся на посох и повёл её вдоль галереи, где стены сверкали тонкими прожилками кристаллов.

— Давным-давно Созвучные владели большей силой, чем мы. Они могли призывать ураганы, смещать реки, воздвигать целые утёсы. Здесь они решили возвести обитель — место, куда не доберётся ни войско, ни охотник за силой.

— Они создали эти горы? — изумлённо перебила его Мира.

— Не весь хребет, — улыбнулся старик. — Лишь его сердце. Несколько вершин, сеть ходов и залов, и этот источник. Они подняли горы выше, чтобы обитель скрывалась от глаз равнин. Даже с долин нельзя увидеть этих вершин — только облака и пустота.

Они остановились у арки, из которой веяло тёплым дыханием земли.

— Многие десятки Созвучных отдали жизнь ради этого. Песнь требовала платы — и они запечатали себя в самой породе. В легендах говорится, что их тела стали кристаллами, а кровь просочилась в камень. Ты ведь заметила коридор, полный сияющих осколков?

Мира вспомнила голубое свечение, мерцающее в темноте.

— Это их кровь? — прошептала она.

— Так говорят, — серьёзно кивнул Тахир. — Их Искры навсегда остались здесь. Потому это место живое. Оно хранит нас, а мы храним его.

— Вы сказали, что раньше Созвучные были сильнее, чем сейчас. Что изменилось?

Тахир слегка улыбнулся.

— Если я преподнесу тебе всё на блюдечке, где тогда твоё обучение? Смысл пути в том, чтобы идти им самой.

— Тогда хотя бы пустите меня в библиотеку, — Мира нахмурилась. — Ученики говорят, что не всех туда пускают.

— Всё верно. Там слишком много историй, которые неподготовленный ум может превратить в яд. Истина без гармонии ломает человека.

— Но как правда может «сломать»?

— Не всякий готов услышать её. Бывает, что истина открывает дверь — но человек бросается в пропасть. Вот почему мы проводим посвящение.

— Это ритуал? — спросила она.

— Так и есть.

— Тогда я хочу пройти его. Что нужно сделать?

Старик рассмеялся, добродушно, но с лёгкой тенью грусти.

— Ты даже не знаешь, что за испытание ждёт. А уже спешишь. Скажи, Мира, чему тебе больше всего нужно научиться?

Она задумалась. Ответ всплыл сам:

— Умерять гнев. Чтобы голоса больше не кричали в моей голове.

Тахир кивнул.

— Вот это и будет твоим началом. Ты прошла войну, да? Я вижу её следы в твоём взгляде.

Мира опустила глаза. Перед ней всплыли лица убитых, окровавленные руки, искажённые крики. Приют, бойня - они сожгли её юность. В ней жили жестокость и шёпот — не её собственный, а тот, что подталкивал убивать снова и снова.

— Я слишком много видела для своего возраста, — тихо сказала она. — Я уже не графская дочь. Я... больше похожа на тех, кого боятся.

— Но именно поэтому ты здесь, — мягко возразил Тахир. — В мире за горами тебя учили убивать. Здесь ты должна научиться слышать.

Он слегка наклонился вперёд.

— Люмина не клинок. Она — песнь. Мы, Созвучные, не властелины силы, а лишь струны, которые отзываются на мелодию. Лишь те, кто научится звучать в унисон, могут войти в библиотеку. Иначе слова, что там записаны, превратятся для тебя в новые голоса. Ты ведь этого не хочешь?

Мира вздрогнула. Он говорил так, будто знал всё, что терзало её душу.

— Нет... я не хочу. — Она сжала пальцы в кулак, но тут же разжала их. — Я хочу тишины.

— Вот и путь твой, — сказал Тахир. — Учиться тишине. А библиотека дожждётся тебя.

Мира оставила разговор о посвящении. Ей казалось, что если это и должно произойти, то мастер сам заговорит об этом в своё время. Но дни текли, и всё, что она делала, — наблюдала за другими учениками, да проводила долгие прогулки с Тахиром.

Он показывал ей обитель и рассказывал о её укладе. Земли здесь были слишком каменистыми, чтобы растить хлеб или держать скот. Созвучные не пахали землю и не разводили овец. С этим их выручала деревня привратников. Союз между ними был заключён давным-давно: обитель не платила ни золотом, ни товарами, но каждые два месяца у ворот ждали мешки с зерном, мясом и фруктами.

Мира недоумевала: впервые она слышала о союзе, где одна сторона будто бы ничего не давала взамен. Но Тахир уверил её, что привратники тоже немало получают.

— Они не получают ни денег, ни тканей, ни оружия. Что же тогда? — спросила она.

— Воду, — спокойно ответил старик.

— Да, староста говорил, что вода с гор питает их поля. Но как это связано с вами?

— Когда первые поселенцы пришли в эти места, здесь не было ни леса, ни пастбищ. Только камень и холод. Они пытались колоть горы и продавать камень, но земля не кормила их.

Тогда Созвучные спустились к ним. Сами мы страдали от долгих спусков, от нехватки пищи. И среди нас нашлись те, кто изменил гору. Они пробили в скале русло, и река сошла вниз. С тех пор равнина цветёт, а горы остались нетронутыми.

— И эта вода... она волшебная?

Тахир рассмеялся, его глаза заблестели.

— «Волшебство» — смешное слово, дитя. Нет никакого волшебства. Вода лишь несёт на себе малую Искру Люмины. Её хватило, чтобы леса стали гуще, урожаи богаче, овцы — жирнее.

Мира замолчала. Она вспомнила вкус местной воды. Её не смешивали ни с травами, ни с мёдом. Но она была сладкой и плотной, будто не просто вода, а сытный бульон. От неё легко становилось в теле, будто сила сама наполняла её жилы.

На следующий день Тахир привёл Миру к источнику. Вода стекала прямо из скалы и журчала тонкой прозрачной лентой. У подножья была небольшая каменная чаша, в ней бурлили пузырьки, словно дыхание самой горы.

— Ты уже пила эту воду. Но пробовала ли ты услышать её?

— Услышать? — переспросила Мира.

— Да. Люмина течёт в каждой капле. Если закрыть глаза и дотронуться, можно почувствовать её движение. Но запомни: нельзя заставлять реку петь твою мелодию. Нужно настроиться так, чтобы твоя Искра звучала вместе с ней.

Мира опустила на колени. Она осторожно коснулась воды кончиками пальцев. Холод кольнул кожу. Она зажмурила глаза и попыталась сосредоточиться. Сначала слышала лишь плеск и собственное дыхание. Потом — сердцебиение. Оно сбивалось, ускорялось.

«Ничего не выходит...» — с досадой подумала она.

— Ты пытаешься командовать, — тихо сказал Тахир. — А тебе нужно слушать. Война научила тебя кричать. Здесь ты должна научиться молчать.

Слова старика больно отозвались в памяти. Она вспомнила крики, кровь, голоса, которые подталкивали её убивать. В груди всё сжалось. Но она сделала глубокий вдох и снова прикоснулась к воде. Постепенно шум стих. Остался только ровный ток, словно далекая мелодия.

Мира почувствовала лёгкое дрожание — не в воде, а внутри себя. Оно было тихим, почти неуловимым, но от этого ещё более реальным.

Она открыла глаза и увидела, что капли на её пальцах мерцают лёгким голубым светом. Через миг свечение исчезло.

— Вот так, — улыбнулся Тахир. — Ты слышала Песнь. Только мгновение, но это начало. Мира сжала ладонь, будто боялась потерять это ощущение.

— Это было... будто сама я текла вместе с водой.

— И это правильные слова, дитя, — сказал мастер. — В гармонии нет «я» и «она». Есть только мелодия.

Но чем же были заняты остальные ученики всё это время?

Работа в обители была распределена между небольшими группами. Одни становились посыльными и спускались в деревню привратников за продуктами. Иногда они приносили не только мешки с зерном и мясом, но и особые заказы: пергамент, чернила, уголь. Другие трудились на кухне — в отдельной пристройке к большому залу. Были и те, кто день за днём долбил камень, расширяя новые комнаты и ходы.

Не было разделения на мужчин и женщин, молодых и старых. Каждый трудился в меру сил. Мире это казалось странным: слишком уж правильно и гармонично. Здесь никто не спорил

из-за обязанностей, и все помогали друг другу. Но при этом она чувствовала невидимую грань. Ученики не считали её чужой, но и не принимали как равную.

Однажды Мира заметила, как несколько учеников сустились на кухне. Она подошла помочь — порезать хлеб, подать воду. Её поблагодарили, но мягко попросили уйти.

— Это не твоя работа, — коротко ответили и закрыли дверь.

Главное, что удивляло девушку: никто из них не пользовался Силой. Она знала, что среди камнетёсов были те, кто одним движением мог расколоть валун, а среди поваров — те, кто мог зажечь огонь без кремня. Но в работе они вели себя как простые люди.

— Почему вы не используете Песнь? — спросила она однажды у молодой девушки с русыми волосами, которую звали Идра. Та только пожала плечами:

— Таков устав.

Мира перечитала этот устав позже в своей комнате. Это был тонкий свиток с древними словами, написанный рукой первого поколения Созвучных. Правила были коротки, но весомы: «Не убей. Помоги ближнему. Используй Силу во благо. Храни баланс».

Зарая заставила Миру выучить их наизусть. Нарушение устава каралось изгнанием, а в особо тяжёлых случаях — смертью.

Чем дольше Мира жила среди них, тем сильнее чувствовала разницу. Для неё Сила всегда была оружием: вспышка гнева, защита, крик. Для них же она была не инструментом, а священной песнью, которую нельзя тратить на мелочи. Поэтому хлеб пекли руками, камни кололи долотом, воду таскали вёдрами. В этом было что-то унижительное для графской дочери, привыкшей к удобству. Но для Созвучных именно так выражалась гармония.

— Но если вы выгоните провинившегося, он же может назло рассказать о вас? — спросила Мира.

— Конечно, может, — спокойно ответила Зарая. — Бывали такие случаи. Но ты сама видела дорогу сюда: узкая, суровая, сквозь бури и снег. Доходили одиночки или маленькие отряды разведчиков. Никогда — армия. Они подходили к деревне привратников, а дальше их уже останавливали. Да, иногда проливалась кровь. Но жители деревни всегда выполняли свою часть союза.

— А если какой-нибудь лорд или граф всё-таки решит отправить сюда армию?

— Они не пройдут, — уверенно произнесла женщина. — Даже если вся деревня падёт, мы дадим отпор.

Зарая замолчала на мгновение, затем посмотрела прямо в глаза Мире.

— Не обманывай себя, девочка. Мы говорим о мире и гармонии, но знаем: мир нельзя хранить только молитвами. Мастера учат нас защищаться. На случай, если зло всё же поступится к нам в двери.

Мира нахмурилась.

— Но почему я никогда не видела этих тренировок? Почему меня не звали?

Зарая прищурилась.

— Потому что тебе они не нужны. Ты знаешь, каково это — ударить по-настоящему. Ты знаешь вкус страха и крика. Большинство моих учеников никогда не держали оружия с намерением убить. А ты держала. — В её голосе не было осуждения, но звучала тяжесть. — Я должна защитить их от тебя так же, как и от любого врага снаружи.

Мира опустила взгляд. Жёсткие слова Зараи задели её, но где-то в глубине она чувствовала: эта женщина не ненавидела её. Она оберегала остальных — и именно потому не доверяла Мире.

За время своего пребывания в обители Мира успела познакомиться со всеми учениками. Их было немного, и почти у каждого была похожая история: их пытались убить, сдать властям или продать. Так или иначе, все они находили упоминания о прибежище для таких, как они, и приходили сюда. Так в обитель прибыла около десяти лет назад невысокая женщина с бледной кожей и длинными тёмными волосами, собранными в косы. Звали её Леона.

У неё всегда были лёгкие синяки под глазами, будто от постоянной усталости. Она была щуплой, почти хрупкой, но в её лице читался отпечаток тяжёлого прошлого: глаза темнели от воспоминаний, которые она никогда не произносила вслух. И всё же Леона умела улыбаться — мягко, искренне, так, что даже Мира чувствовала: рядом с ней можно расслабиться. Она отличалась добротой и вниманием к окружающим, всегда готова помочь словом или делом.

Как и остальные, Леона была дружелюбна с Мирой и соглашалась поговорить с ней, ответить на вопросы. А вопросов у девушки было немало. Мира всё чаще думала, что мастер Тахир умышленно скрывает от неё многое, особенно касаясь тайного обряда посвящения, который откроет доступ к библиотеке.

Однажды ранним утром Мира нашла Леону во дворе. Та сидела на небольшом коврикe с закрытыми глазами. Ученики часто проводили часы в такой позе, объясняя это поиском баланса в душе и в Песни. Мира не понимала, о чём они, а мастер Тахир лишь отшучивался на её вопросы.

Леона, почувствовав чьё-то присутствие, открыла глаза и улыбнулась.

— Зимний воздух особенно полезен по утрам! — сказала она и пригласила Миру сесть рядом.

— Да, ты права. Бодрит. Можно тебя отвлечь?

— Ох, если это важно, конечно!

Они сели напротив друг друга. Мире всё ещё было непривычно видеть вокруг себя столько улыбчивых и открытых людей. Порой это вызывало у неё неловкость.

— Я хотела спросить у тебя о посвящении, — осторожно начала девушка.

— Что именно интересует?

— Я пыталась уточнить у мастера Тахира, но он не хочет рассказывать. Я не знаю почему.

— А ты хочешь его пройти?

— Да, хочу. Мне очень важно узнать, что хранится в библиотеке.

Леона нахмурилась.

— Но зачем? Откуда такая спешка? У тебя вся жизнь впереди.

— Я хочу уйти отсюда, как только пойму, что мне делать.

— Уйти... — женщина грустно вздохнула. — Я надеялась, что ты останешься. Мастер вряд ли позволит тебе пройти ритуал.

— Почему? Что такого в этом ритуале?

— Понимаешь, это очень опасное испытание. Я сама его не проходила...

— Нет? — Мира удивилась. — Я думала, все проходят его. Разве это не часть обучения?

— Что ты. Мы все ученики Песни. Но всегда есть те, кто тянется к большему, к знаниям. А знания могут быть опасны. Ритуал помогает отделить тех, кто способен их принять, от тех, кто нет.

— Так что это за ритуал?

— Я не знаю. Те, кто проходят его, не могут говорить о том, что с ними произошло. Иногда их не бывает месяцами. А бывало, что они возвращались... другими. Будто от человека осталась лишь оболочка.

Мира поёжилась.

— И что с ними потом?

— Они так и не приходили в себя, — тихо ответила Леона. — Мастера отправляли их вниз, в деревню. А что было дальше... нам не говорят.

На мгновение между ними воцарилась тишина. Леона заметила, как Мира дрожит от холода, и не задумываясь сняла с плеч свою шерстяную накидку, накинула ей на плечи.

— Ты еще не привыкла к прохладе гор, — мягко сказала она. — Не простудись.

Мира удивилась этому простому жесту заботы. Впервые за долгое время она почувствовала, что кто-то относится к ней не как к «носителнице силы», не как к опасности, а просто как к девушке, которой может быть холодно.

Ритуал. Библиотека. Всё было окутано тайнами, секретами, запретами. И именно это доказывало: там хранилось нечто ценное. Возможно, то самое, что могло помочь Мира избавиться от Песни Люмины.

Она часто возвращалась мыслями к тому, что мастер Тахир предлагал ей учиться управлять силой и использовать её во благо. Но обучение так и не начиналось. Практика с водой, прогулки, беседы — всё это казалось лишь подготовкой, затянутой проверкой. Мира чувствовала себя пленницей среди Созвучных: дни проходили впустую, а её собственные «грехи» прошлого будто стояли перед ней стеной. Она убивала, и, вероятно, именно это останавливало мастеров. Возможно, они решили надолго оставить её здесь, чтобы убедиться, что она не опасна.

Но ждать и сидеть сложа руки Мира не собиралась. Она знала: в библиотеке хранятся записи и тайны, которые её отец искал всю жизнь. И если мастера не хотят вести её к знаниям, она сама докопается до истины.

Да и времени у неё не было десятилетия. Внизу, в деревне привратников, её ждал Лето. Стоило только вспомнить его улыбку в ту ночь, когда он поцеловал её руку у очага, или его смех в дороге, когда он пытался шутить даже во время бури, — и сердце Миры сжималось от тоски. Она скучала по нему, тревожилась, как он там, справляется ли без неё. Он всегда был рядом, всегда стоял на её стороне. А теперь — их разделяли горы.

И именно это подталкивало её двигаться быстрее. Она не могла позволить себе застрять в обители на долгие годы, как другие ученики.

— Знаешь, — вывела её из тяжёлых мыслей Леона, — раз уж ты спросила про ритуал, я должна сказать тебе кое-что.

Мира настороженно посмотрела на женщину.

— Твой отец отказался проходить посвящение, — продолжила та. — Ему предлагали, мастер Джансу лично говорил с ним. Но он отверг это. Думаю, тебе стоит знать.

— Мастер... Джансу? — Мира впервые услышала это имя. — Он здесь?

— Да. — Леона кивнула. — Он, наверное, сейчас сидит у себя, занимается своими фигурками, как всегда.

— Фигурками?

— Увидишь, — мягко улыбнулась Леона. — Хочешь, я провожу тебя?

Леона отвела Миру в одну из самых скромных комнат обители. Узкая коморка: низкая кровать, каменный стол, пара стульев, несколько полок. Всё просто, почти аскетично. Мира ожидала увидеть нечто иное — достойное человека, носящего титул мастера. Но здесь не было ни роскоши, ни тайного величия, только тишина.

За столом сидел высокий мужчина. Он держал резец в одной руке и кусок камня в другой. Когда гости вошли, он отложил инструмент и поднялся. Его улыбка показалась слишком светлой для столь сурового лица.

— Леона и юная Мирайн, верно? Чем могу помочь?

Леона поклонилась, Мира поспешила повторить за ней.

— Мастер, — сказала Леона, — Мира хотела задать вам несколько вопросов. Выслушаете её?

— Конечно, — Джансу кивнул. — Ты можешь нас оставить.

Леона поддерживающе коснулась плеча Миры и ушла. Девушка неловко устроилась на стуле напротив.

— Спасибо, — сказала она. — Леона упоминала, что вы мастерите.

— Не зря же зовут мастером! — засмеялся он и показал рукой на полку за спиной. Там выстроились фигурки животных: волки, медведи, птицы. Каменные, но вырезанные с такой точностью, что казались живыми.

— Они как настоящие! — восхитилась Мира.

— А когда-то всё это было обычным камнем, — он взял в пальцы новый кусок, серый, неровный. — Даже самое грубое можно превратить в прекрасное, если вложить труд и немного любви.

— Мастер Джансу, — Мира собралась с духом, — Леона сказала, что мой отец отказался проходить обряд посвящения. Это правда?

— Теодор Олластер... Да, помню. Всё верно, он отказался. Через какое-то время ушёл.

— Говорят, ритуал опасен. Поэтому он не решился?

— Если носитель не готов принять Песнь, не готов к её равновесию, обряд может сломать его. У твоего отца была семья, дети. Он боялся оставить их одних. Это я понимал.

Мира наклонилась вперёд:

— Я хочу понять, действительно ли он был прав. И смогу ли я пройти этот ритуал.

Джансу долго молчал. Его рука снова взяла резец, и он начал медленно снимать крошечные слои камня. Потом взгляд его затуманился. Зрачки расширились, словно он смотрел сквозь Миру куда-то дальше, в темноту. Лицо его обмякло, стало пустым, и голос зазвучал ровно, гулко, без интонаций:

— В обитель приходят потерянные души... Белые листы... Мягкая глина... Их можно лепить. Формировать. Они бегут сюда от страха, от ненависти. Они — жертвы. Их просто научить. Их просто сломать и сложить заново.

Он продолжал точить камень, а руки его будто двигались сами по себе. Тело слегка покачивалось, словно в такт невидимой песне.

— Но ты... — продолжил он, не мигая, — ты не глина. Ты камень. Ты была жертвой, но стала хищником. Ты убивала. Ты выживала. Ты познала вкус крови. Ты вырезала себя сама. С тобой будет тяжелее. С тобой нельзя лепить. С тобой надо высекать. Долго. Больно. Ты уже обработанный материал. Но не нами.

Мире стало холодно. Казалось, воздух вокруг Джансу стал густым и неподвижным. Его лицо в полутьме выглядело чужим, каменным, а глаза — пустыми провалами. Девушка почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Внезапно камень в его руках треснул с сухим звуком. Джансу очнулся — моргнул, провёл рукой по лбу, будто стряхивая наваждение. Вернулся его светлый взгляд и мягкая улыбка.

— Вот почему они ждут, — сказал он уже нормальным голосом. — Ждут, пока ты сама решишь измениться. Пока позволишь себя высечь.

Он поднял новый кусок камня и протянул Мире.

— Скажи, во что мне превратить его?

Девушка задержала взгляд на его пальцах — они были в каменной пыли, потрескавшиеся, но крепкие. Она взяла камень, ощутила его холод.

— Решите сами, мастер, — сказала она тихо. — Пусть это будет ваш выбор. Ваш подарок мне.

Джансу улыбнулся и кивнул.

— Хорошо. Пусть так.

Девушка долго думала о том, что ей делать дальше. Раз ритуал был так опасен, что неподготовленных он мог убить, нужно было пока отложить его. Да, Мира всё ещё не знала, из чего он состоит и как можно быть готовым или нет. Однако было очевидно, что её обучение так и не началось. Настоящее обучение. Возможно, в той тайной библиотеке ей удастся найти ответ на вопрос, как если не избавиться, то уменьшить силу Песни в себе, чтобы она не вырывалась как раньше. Но, видимо, для этого придётся понять, как её использовать, как приручить. Мира понимала, что в этом есть и зерно разумности. Если та же собака ведёт себя агрессивно, не слушает приказов, и ты боишься, что она набросится на первого встречного, — её нужно не уничтожить, а усмирить. Сделать так, чтобы она стала послушной. Спокойной. Видимо, здесь следовало поступить аналогично.

На следующий день она спросила мастера Тахира, когда сможет начать своё обучение.

— Рвение к учебе — это похвально. Но ты помнишь, я говорил: от Люмины невозможно избавиться.

— Да, мастер, я понимаю это.

— И ты готова учиться слышать её и направлять?

Мира кивнула. Она чувствовала, что мастер хочет, чтобы она сама всё признала и приняла.

— Я понимаю, что не могу избавиться от Песни, но могу научиться управлять ею. Чтобы она слушалась меня — а не я её.

Тахир улыбнулся, но глаза его оставались серьёзными.

— Ты сделала первый шаг — признала, что пути назад нет. Значит, мы можем начать. Он положил ладонь ей на плечо, и голос его стал мягче, но не менее твёрдым:

— Ты ещё не до конца понимаешь, чего хочешь. Но в этом и есть путь ученика. Ты должна научиться слушать Песнь, прежде чем сможешь управлять ею. Будь спокойна: твоё обучение начнётся скоро.

Глава 6

Главный зал дворца Вигилиусов сиял золотом. Сквозь высокие витражные окна врывались лучи солнца, рассыпались мириадами красок на мраморных стенах и оживали в орнаментах. Белоснежные полы скрывались под коврами, сотканными лучшими мастерами империи, а с потолков свисали огромные полотнища с гербом Вигилиусов — золотым солнцем, символом вечного света и власти. Свежие цветы благоухали в вазах, расставленных повсюду, и воздух напоминал весну, хотя за окнами уже был поздний осенний день.

Собрался весь цвет знати и богатейших домов. Дамы в тяжёлых украшенных драгоценностями платьях, мужчины в камзолах и мантиях, усыпанных золотыми вышивками. Всё было похоже на парад роскоши и силы, где каждый хотел показать, что он достоин стоять рядом с троном. Никто не смел пропустить это событие: наследник империи возвращался ко двору.

— Флавий Вигилиус, наследник империи Бореалис, Лев Астари, хранитель трона, сын Великого императора Вигилиуса!

Двери распахнулись, и в зал вошёл он — высокий, статный, словно мраморная статуя. Светлые волосы падали гривой на плечи, на голове — венок из золота, в руках — лишь уверенность и сила. Его золотые доспехи сверкали так, будто каждый луч солнца выбрал их своей обителью.

Флавий шёл по проходу между рядами, улыбаясь тем, кто склонял головы. Женщины замирали, шептали его имя, мужчины в восхищении держались гордо, будто сама его осанка поднимала их выше. Всё внимание принадлежало ему, и он принимал его как то, что было его правом от рождения.

У трона императора он преклонил колено. Флорий, довольный сыном, позволил ему подняться.

— Надеюсь, — произнёс император, — путь твой был лёгким, а пребывание на Островах принесло тебе пользу.

— Так и было, отец! — голос Флавия гремел по залу. — Я был принят с почестями, достойными короны. Ныне царица Делисса, ваша сестра, и её супруг, царь Велизар, передают вам свои наилучшие пожелания и дары.

В зал внесли сундуки — тяжёлые, украшенные, наполненные сокровищами.

Почти год назад Флавий был отправлен в дипломатическую миссию в Островные государства, или попросту Острова. История их отношений с Бореалисом была полна бурь. Почти двадцать лет назад именно Острова поддержали бунт против Вигилиусов, надеясь ослабить империю. Но мятеж провалился. Войска Островов были разбиты, и только заключённый мир удержал их от окончательной гибели.

Говорили разное. Одни утверждали, что Острова защищали свою независимость: император Флорий основал аванпост на острове у их берегов и слишком близко подобрался к их владениям. Другие шептали о святине, на которую якобы посягнул император, вызвав гнев морских царей. Так или иначе, война осталась в прошлом, и её итогом стала политическая сделка: сестра императора была отдана в жёны наследнику Островов, а взамен те признали аванпост и открыли торговлю.

Но доверие никогда не вернулось. Для многих жителей империи островитяне оставались дикарями, чуждыми обычаями и языком. Лишь немногие богачи ценили их ремесло: работы по дереву и стеклу, тончайшие ткани. И потому поездка Флавия была не только символом мира, но и проверкой союза.

Наследник говорил о заключённых торговых договорах, о том, как островные мастера показали ему секреты стеклоделия и как тепло приняли его. Его речь была уверенной, яркой, словно он сам был героем из сказания, вернувшимся с чужих берегов с дарами для своей земли.

Когда он окончил и поклонился, зал взорвался аплодисментами. Флавий удалился из зала, и, выходя в коридор, заметил знакомый силуэт — высокий, худощавый, чуть сторбленный.

— Братец! — громко окликнул он. — Почему не встретил меня? Я уже наслышан о твоих подвигах!

Кларис шагнул вперёд и крепко обнял брата. Рядом друг с другом они выглядели так, словно сама судьба нарочно решила показать людям противоположности.

Флавий был воплощением идеала: широкоплечий, статный, с золотой гривой кудрей, что сияла в лучах, проникавших в окна дворца. Его волевой подбородок и прямой нос будто сошли с барельефа, а улыбка могла растопить любое сердце. Он был героем девичьих романов, рыцарем, которому суждено победить чудовищ.

Кларис же — высокий, но слишком худощавый, в тёмной простой одежде без излишеств. Его черты были острыми, почти девичьими, а тонкий шрам, тянувшийся от губы к скуле, придавал лицу жёсткость, но лишал красоты. Кожа чуть бледнее, волосы тёмные и всегда собранные, взгляд спокойный, усталый. Он был тенью — суровой, живой, настоящей. В нём не было блеска брата, зато чувствовалась сила бойца и ум того, кто больше говорил со сталью и солдатами, чем с придворными дамами.

— Рад был слышать от отца, что ты помог подавить бунт. Будь я здесь, я бы пресёк его на корню... — сказал Флавий с оттенком сожаления.

Они пошли дальше по коридору, шаги их отдавались эхом по мраморным плитам.

— Почему ты не встретил меня с остальными? В зале тебя не было, — спросил наследник, бросив на брата лукавый взгляд.

— Ты знаешь, я не люблю этой напыщенности, — спокойно ответил Кларис.

— Мог бы разок и перешагнуть через своё «не люблю» ради родного брата! — Флавий с силой хлопнул его по плечу, и его звонкий смех прокатился по коридору.

Он хотел продолжить, но впереди возникла высокая женская фигура. Её поступь была уверенной и неторопливой, и оба брата сразу узнали её.

— Ваша Светлость! — Флавий изящно склонился в реверансе, словно светская дама.

— Не ерничай, дорогой, — холодно отрезала Клавдия.

Бабка сравнялась с внуками и поочерёдно поцеловала их в щёку. Её ладонь мягко легла на голову Флавия.

— Всё такие же непослушные волосы, как у твоего деда... — улыбнулась она, а внук в ответ почтительно поцеловал ей руку.

— Говорят, твоё возвращение произвело настоящий фурор среди дам двора. Пожалуй, есть повод задуматься, — заметила она.

— Ох, бабушка, не начинай! — раздражённо бросил Кларис.

Его жена умерла год назад, оставив сына и дочь. Для двора он носил маску скорби, но Клавдия видела насквозь. Даже из своего далёкого замка она знала всё о своей семье, и то, что скрывали, и то, о чём шептались лишь ночью.

— Нашей семье нужна свежая кровь. Молодая жена и новые дети укрепят наш род, — сказала она жёстко.

— Думаю, отец и без меня справляется.

— Да уж, и не говори... — холодно ответила Клавдия, прикусив губу.
Флавий, словно почувствовав напряжение, вмешался:

— Что ж, могу поздравить тебя, братец! Теперь ты больше не младший сын. Можешь вернуть свои права на трон, я не стану возражать.

— Не говори глупостей, — резко оборвала его Клавдия. — Наследник тут один.

— А если со мной что-то случится? — Флавий поднял бровь. — Кто взойдёт на трон? Малолетний сын Рьяны?

Кларис замер.

— Рьяна... беременна? — слова едва сорвались с его губ.

— Да, и, по словам нашей уважаемой бабушки, будет сын. А она в таких делах не ошибается, — усмехнулся Флавий. — Так что проклятие отца ложится на нового Вигилиуса.

Глаза Клавдии вспыхнули холодным огнём.

— Тсс, не смей поминать это здесь! Ни словом, ни шёпотом. Особенно в этих стенах.

Кларис провёл ладонью по холодному лбу. Предсказание императора вновь ожило в памяти: «Я умру от руки последнего сына». Когда-то давно мальчишка был уверен, что речь идёт именно о нём. Эта мысль выросла в его душу, и вина за ещё не свершённое преступление преследовала его всю жизнь. Именно из-за неё он отказался от претензий на трон — считал, что так обезопасит и себя, и отца.

— Ты побледнел, брат, — сказал Флавий и приблизился, заглядывая в глаза. — Только вот не пойму: от радости или от страха?

— Глупости, — вмешалась Клавдия. — Рождение ребёнка Вигилиусов — всегда праздник. Чем нас больше, тем мы сильнее. А теперь слушайте оба. Одному пора найти жену, второму — зачать наследника.

Кларис кивнул и погрузился в свои мысли. Они отправились дальше втроём. Вигилиус что-то рассказывал о своём путешествии, шутил. Но младший брат уже не слышал этого. Всё превратилось в гул. В голове звучало только одно — ребёнок. Новый ребёнок, ещё один наследник. И снова в памяти ожила фраза отца: «Я умру от руки последнего сына». Много лет назад мальчик верил, что речь идёт о нём. Тогда это чувство вины въелось в него, пустило корни. Он отказался от трона, лишь бы никогда не оправдать предсказания. Но теперь... теперь «последний сын» может быть другим. Сын Рьяны.

Размышляя об этом, Кларис и не заметил, как уже стоял перед своими покоями один, а Клавдия удалялась по коридору. Нехотя мужчина открыл дверь.

После возвращения из похода он так и не навестил свою супругу, хотя того требовали нормы приличия. И будто в насмешку, она сидела в кресле, словно ждала его всё это время. С письмами в руках, в кружевной накидке. Увидев мужа, она подскочила, повисла на его шее. Недовольно он приобнял её, потом отстранился.

— Слышала о твоей победе! — зашебетала Глена. — Не ожидала от тебя другого! Император доволен, да?

Кларис кивнул и уточнил, как она проводит свой досуг. Ему не хотелось ссориться. Мысли всё ещё тянулись к Рьяне и к проклятию отца. Рьяна ведь Тоссер по рождению. Все знают, на что способна эта семейка. Один Рейтран Тоссер чего стоит — Кларис верил, что именно он убил служанку Олластеров. И поднял бунт только ради собственной прихоти. Бедная Рьяна, ей пришлось нести это имя. А сам Кларис не раз видел, как Тоссеры приходили к

императору с требованием: замок, должность, земли. Всегда хитрили, всегда отнимали чужое. Недостойный род.

— Скажи, — вдруг резко бросил он, — а ты не из рода Тоссеров?

— Что? — Глена рассмеялась. — Ты же знаешь, я из Айлов. Мы с этими торгашами и рядом не стояли!

Она приобняла мужа, но он остался каменным.

— А ты ведь не знаешь... — её голос стал мягче, почти игривым. — У меня тоже есть новость. Я жду ребёнка.

Клариса словно ударило. Он медленно повернулся, бледный, холодный.

— Что за бред ты несёшь? — прошептал он.

— Все ждут от нас наследника, вот я и взяла дело в свои руки, — ядовито улыбнулась она. — Не могла же я ждать вечно твоей милости.

— О чём ты говоришь? Мы с тобой не делили постель уже несколько лет!

— В этом-то и дело, дорогой. Пришлось искать радость в постели других. И я её нашла.

Глена всегда злилась. Но когда-то, в первые годы брака, она пыталась понравиться мужу. Яркие наряды, улыбки, тонкие намёки — всё было напрасно. Он был холоден, равнодушен, словно её вовсе не существовало. Тогда её сердце ожесточилось. Она перестала ждать и превратилась в паука, что сидит в углу, плетёт сеть и ждёт момента, чтобы ужалить. И сейчас, увидев, как Клариса перекосило от её слов, она улыбнулась шире — наконец-то смогла причинить ему боль.

— Шлюха... — сорвалось у него.

— Называй как хочешь, — шипела она, почти наслаждаясь его злостью. — Но я рожу тебе ребёнка. И никто не посмеет даже заикнуться о том, что он не твой. Ни ты, ни твой отец — никто не захочет позора.

Кларис почувствовал, как его заливают волна ярости. Словно яд растекался по венам, вытесняя разум. Он схватил Глену за плечи, рывком поднял с кресла. Она закричала, её тело извивалось, ноги колотили воздух, руки отчаянно тянулись к нему. Она билась, как пойманная в сети змея.

— Ты не посмеешь! — визгнула она, захлёбываясь криком. — Ты погубишь себя!

Он уже не слышал слов. Всё утонуло в гуле крови в висках. Он шагнул к окну, её крик вцепился в уши, как когти. Её ногти раздирали его шею и волосы, но он только сильнее сжал её. И рывком поднял над собой.

На миг их взгляды встретились — её глаза, полные ужаса и ненависти, и его — мёртвые, холодные. И он отпустил.

Женское тело сорвалось вниз. Её крик рвал воздух, как разрывают ткань, и становился всё тише, пока не оборвался. Платье взметнулось, раскинувшись в воздухе, словно чёрные крылья, а затем исчезло внизу. Удар о камни был глухим, но в этом звуке слышалось больше, чем в сотне слов — конец, безвозвратность.

Тишина. Блаженная, мёртвая тишина.

Кларис не стал выглядывать. Всё ясно и так. Снизу уже доносились крики стражи и слуг. Он обернулся: кресло, разбросанные письма, распахнутое окно — всё это казалось чужим, ненастоящим.

Он вышел в коридор. Каждый шаг отдавался эхом. Но с каждым шагом пустота внутри росла. Не вина — очищение. Он словно сбросил с себя липкий слой грязи. Она была его позором, его слабостью, его пауком в тёмном углу. Теперь её нет.

Он шёл и думал: «Я свободен». И впервые за долгие годы в душе его воцарился покой. Не радость, не облегчение — покой. Как будто вместе с ней он вытолкнул из себя и собственный грех.

Глава 7

Через несколько дней мастер Тахир отвёл Миру в небольшую комнату внутри скалы. Стены здесь были безупречно гладкими, словно кто-то вытесал их в едином дыхании. Потолок уходил вверх куполом, в центре которого зияла круглая дыра. Из неё падал столб холодного света, и вся комната казалась залитой прозрачным дыханием зимы.

Тахир сел в самом центре круга и жестом пригласил девушку напротив.

— Мы называем это место комнатой тишины. Здесь забывают всё: прошлое, будущее, настоящее. Здесь есть только дыхание.

Мира осторожно опустилась на каменный пол, скрестила ноги. Ей было неловко: от комнаты веяло холодом и пустотой. Она ожидала чего-то необычного, откровения — а старик лишь закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Просто дыши. Вдох — выдох. Вдох — выдох.

Она послушалась. Несколько минут сидела, повторяя его ритм. Но ничего не происходило. Ни озарения, ни искры. Её дыхание было обычным, как в любой другой день. Сначала появилось раздражение: неужели всё это — пустая трата времени? Она украдкой приоткрыла глаза: Тахир по-прежнему сидел спокойно, словно высеченный из камня.

— Мастер, я должна просто дышать? — наконец не выдержала она.

— Да.

— Но зачем? В чём смысл?

— В этом и есть смысл, — его голос звучал так, будто он и сам был частью этой тишины.

Огонёк недовольства распался в груди Мира. Она почти выдохнула всё разом, но в этот момент Тахир открыл глаза, взял её ладонь и мягко положил на её же грудь.

— Почувствуй, — сказал он. — Вдох наполняет тебя, выдох уносит. Ты управляешь этим. Ты — хозяйка своего дыхания. Так же и с Песней: она уже в тебе, но пока ты не научишься слышать себя, ты не услышишь её.

Мужчина убрал руку, а Мира так и продолжала держать свою на груди.

Вдох — грудь поднялась. Выдох — опустилась. Воздух входит и уходит, и это движение подчиняется ей. Она руководит телом, а не оно ею.

Сначала ей казалось, что она повторяет скучное упражнение. Но чем дольше она вглядывалась в свой собственный ритм, тем тише становились посторонние мысли. Мир словно отступал в сторону.

Она закрыла глаза крепче и вдруг ощутила, будто её разум погружается в воду. Сначала лёгкие волны — тёмные, прохладные, осторожно касались кожи. Потом глубже. Глубже. Вокруг — приглушённые звуки: далёкий вой ветра, звонкие капли, падающие где-то в темноте. Снежинка коснулась её щеки и тут же растаяла, оставив холодный след. Вдох — выдох.

Она опускалась всё дальше, и вода становилась плотнее, тяжелее. Тело будто утонуло в мягкой, бездонной глубине. Мысли одна за другой растворялись, как песок в реке. Остался только стук сердца. Вдох — выдох. Ритм. Музыка тела.

И вот она уже сама видит перед собой толщу тёмной воды. Она обнимала её, заключала в себя, как мать заключает ребёнка в утробе. Всё вокруг становилось темнее. Но не страшнее. Наоборот — спокойно.

Она чувствовала своё тело иначе. Каждую жилку, каждую мышцу. Руки. Ноги. Они были её — и только её. Но вместе с этим в самой глубине ощущалась пустота. Что-то чужое. Холодное. Тёмное. Оно было там, за завесой, готовое проявиться. Но не сейчас. Ещё не время. Слишком рано.

И Мира поняла: это и есть её Искра Люмины, скрытая в глубине. Она есть — но пока не принадлежит ей.

Хлопок ладоней разорвал тишину. Тахир тихо улыбнулся.

— На сегодня достаточно.

Мира открыла глаза. В купольной дыре потолка уже светились сумерки. Она не поняла, как быстро пролетели часы. Ей казалось, что прошло несколько минут, но тело подсказывало — это было долгое путешествие. Настоящее погружение.

Следующие несколько недель Мира продолжала заниматься дыхательной практикой. Сначала ей казалось это пустой тратой времени, но постепенно всё изменилось. С каждым занятием она всё глубже погружалась внутрь себя. Она училась слышать собственное тело: ритм сердца, мягкое движение лёгких, тяжесть мышц.

Теперь она могла напрячь руку, не двигая остальным телом. Чувствовала, как вес её самой ложится на ноги, как позвоночник держит её в равновесии. Казалось, даже малейший изгиб пальцев был ей подвластен, словно каждая клетка подчинялась её воле.

Но вместе с этим росло и другое ощущение — пустоты. Той самой, что скрывалась глубоко внутри. Она никуда не исчезла. Наоборот, чем внимательнее Мира прислушивалась к себе, тем явственнее становилось её присутствие. Пустота была холодной, неподвижной, словно застывший лёд. Она оставалась закрытой, как тяжёлая шкатулка, спрятанная в глубине её души.

Мира точно знала: там есть что-то. Что-то важное. Может быть, ответ на все её страхи и вопросы. Но шкатулка не открывалась. Каждый её шаг внутрь себя упирался в эту замкнутую тьму.

Иногда ей казалось, что пустота будто наблюдает за ней, ждёт, когда она подойдёт ближе. Но чем ближе она подходила — тем сильнее чувствовала сопротивление. Как будто сама Люмина ещё не признала её готовой.

Прошло время. Мастер заметил, что Мира может всё дольше оставаться в состоянии глубокой тишины. Когда она вернулась из очередного погружения, он спросил:

— Всё ли тебе понятно? Есть ли вопросы?

Мира колебалась, но решилась.

— Есть... Там, внутри, есть что-то. Какая-то часть меня, которую я не могу почувствовать. Она закрыта.

Тахир мягко улыбнулся.

— Это и есть Люмина.

— Но почему она скрыта от меня? — нахмурилась Мира. — Она же не может находиться во мне и быть... вот такой, запертой.

— Всю жизнь ты жила в теле, которое знала. Руки, ноги, дыхание — это всегда было с тобой. Ты умела их чувствовать и пользоваться ими. А Люмина для тебя чужая. Незнакомая. Поэтому ты не понимаешь, как к ней подойти.

— И чтобы начать её использовать, мне нужно её увидеть? Или... — девушка запнулась.

— Но ты же уже видела её, не так ли? — перебил её мастер. — В тот момент, когда убивала с её помощью.

Мира кивнула.

— Это была молния. Яркая, синяя. Будто удар грозы.

— Покажешь мне? — голос старика стал чуть строже.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Но как?

— Ты можешь её представить, верно? Вспомнить. Дать ей форму.

— Да, но... — неуверенно пробормотала девушка.

— Ты уже научилась чувствовать своё тело, управлять им. Но дверь к Люмине останется закрытой, пока ты не подберёшь ключ. Попробуй. Представь, как в твоих руках рождается эта молния. Пусть она будет крошечной, искрой, но это будет начало. Дыши. Сконцентрируйся.

Мира закрыла глаза. Она тянулась к тому образу, но ничего не выходило. Ни на пятый, ни на двадцатый раз. Пустота внутри оставалась глухой, неподвижной. Она начала злиться на свою беспомощность.

— Что ты сейчас чувствуешь? — тихо спросил Тахир. — Твоё лицо изменилось.

— Я злюсь, что у меня ничего не выходит! — резко ответила девушка.

— Вот, — старик кивнул, — именно это и губит многих. Злость открывает путь к Осквернённым. Тот, кто черпает силу в ненависти, становится её рабом.

— Но когда я убивала, — тихо возразила она, — злость дала мне силу. Без неё я бы умерла. Или Лето умер бы. Разве это было злом?

Тахир нахмурился.

— Добро и зло просты. Пламя согревает — добро. Пламя сжигает — зло. И так же с Песнью. Если ты питаешь её гневом — она обратится против тебя. Если же вложишь в неё сострадание, она станет светом. Представь пламя, но не как разрушение, а как тепло. Пламя, рожаемое твоей рукой, чтобы осветить путь страждущим.

Мира закрыла глаза. Она старалась представить мягкий огонь — не молнию, что рвётся наружу, а тихое пламя, что дрожит на ладони. Но в сердце у неё всё равно ворочалось что-то иное: память о крике врага, о бешенстве в крови, о той силе, что подчинялась именно злости.

Она глубоко вдохнула. Пламени не было. Только пустота и это холодное, упругое сопротивление. Как будто сама Люмина ждала чего-то другого.

Мира закрыла глаза. Она снова постаралась представить в голове пламя. Но теперь не яростное, пожирающее, а тёплое и нежное. Как в камине её отца. Когда по вечерам он разводил огонь, а она сидела рядом. Отец читал книгу её братику, а она слушала их голоса и дремала

под треск поленьев. Дом. Очаг. Мать. Всё то, что было когда-то потеряно, сейчас ожило внутри неё. Такое родное, милое, хрупкое.

Она погрузилась в себя, дышала медленно. Образ пламени разливался по её телу. Она чувствовала, как тепло осторожно обволакивает её изнутри, смягчает холодную пустоту. Мысли направились глубже, туда, где всегда сидело что-то тёмное, чужое, запёртое. Она представила дверь. Взялась за ручку. Дёрнула раз, другой. Закрыто. Там не ждали её.

Тогда она представила пламя на своей ладони — маленькое, слабое, но верное. Оно не обжигало, лишь мягко освещало вокруг. С ним она вновь потянула ручку. Снова — безуспешно. И чем сильнее слабел её огонёк, тем настойчивее в душе поднималась злость. Она почувствовала, как гнев проникает в неё, расползается, словно паук, плетущий сеть. Гнев пытался занять всё, что было внутри, вытеснить тепло.

Мира вспомнила слова Тахира. Вдох — выдох. Она заставила себя успокоиться. Сконцентрироваться на теле. Почувствовать его — каждую жилку, каждый удар сердца. И только тогда, осторожно, почти боясь спугнуть хрупкую искру, она потянула ручку вновь.

Дверь поддалась.

В груди вспыхнуло тепло, и оно разлилось по всему её телу — горячей волной, что наполнила каждую клетку, каждую каплю крови. Кожа горела, но не от боли — от силы. И вместе с этим, прямо на ладони, загорелось что-то яркое.

Когда Мира открыла глаза, она увидела слабый огонёк. Меньше того, что представляла. Но он был настоящим. Яркий, синий, он колыбался, будто жил своей жизнью. И всё же не обжигал.

Девушка улыбнулась. Подняла взгляд на мастера. Тот кивнул.

— Небольшой... но это первый шаг. И этого достаточно. Ты сможешь большее.

Она продолжала смотреть на маленькое синее пламя на своей ладони, и сердце её билось быстрее. Радость переплелась с тревогой. Оно было таким крошечным — но ведь оно открылось, подчинилось ей.

«Если я смогла вызвать это... значит, я смогу и больше. Но вдруг я снова потеряю контроль? Вдруг всё обернётся, как тогда, с лошадью или с солдатом?»

Она глубоко вдохнула, стараясь удержать пламя ровным. Её охватил страх — но не тот, что парализует. Страх ответственности. Это был уже не зверь, что вырывается изнутри. Теперь это было что-то живое, откликнувшееся на её зов.

Мира сжала пальцы, и огонёк растворился, будто его и не было. В груди остался лишь отголосок тепла. Она поняла: Люмина всё это время ждала не ярости, не злости, а её готовности слушать и принимать.

Мира продолжала свои практики. Под присмотром Тахира она проводила часы в комнате тишины. Дыхание стало её якорем, пламя — её спутником. Постепенно некогда крошечный огонёк превратился в устойчивое пламя, которое обволакивало её ладонь целиком, играло языками по коже, но не причиняло боли.

Шли недели. Она потеряла счёт дням и ночам: утро сменялось вечером, а для неё существовало только дыхание, тепло и этот огонь. С каждым разом Мира всё отчётливее ощущала присутствие Люмины в себе. Теперь это была не чужая сила, что вырывается без спроса, а что-то, что отзывается на её волю.

Но её сердце не успокаивалось. Пламени было мало. Ей хотелось большего: молнии, того самого грохота и сияния, что когда-то явились вместе с её гневом. Она хотела понять, как управлять не только теплом, но и бурей. Узнать, как далеко может зайти её Искра.

Мысль о посвящении не отпускала её. Мира поклялась самой себе: она узнает, что скрывает этот ритуал. Узнает — и пройдёт его, что бы ни ждало за порогом. Поэтому она трениро-

валась до изнеможения, порой так много и часто, что падала без сил. Сознание ускользало, но желание идти дальше не угасало.

Тахир поддерживал её стремление, хотя Мира всё чаще замечала косые взгляды других мастеров. Их настороженность, молчаливые разговоры за её спиной. Лишь мастер Джансу оставался неизменно радушным. Она всё чаще заходила к нему — и только там чувствовала себя принятой. В его улыбке и тихих беседах было что-то настоящее, что-то тёплое. И потому её тянуло к нему всё сильнее.

— Мастер, вы совсем не выходите из своей комнаты, — заметила Мира. — Я хотела бы показать вам, чего добились. А ведь по правилам мы можем использовать Люмину только в тренировочных залах.

— Кто тебе сказал эту глупость?

— Мастер Тахир, конечно же.

— А, точно, — Джансу усмехнулся. — Это он и мне твердил, когда я был молодым и дерзким. Давай, попробуй!

— Но...

— Я никому не скажу. Комната моя далеко, да и кто-то сейчас тренируется. Никто не заметит.

Мира улыбнулась. Ей так хотелось, чтобы хоть кто-то поделил её радость. Она вскочила, протянула руку вперёд. Сконцентрировалась — и вся ладонь вспыхнула синим пламенем. Оно разлилось по руке, будто плотный огненный покров.

— Вот это да! — Джансу хлопнул в ладоши, но тут же его лицо исказилось. Он схватился за голову, покачнулся и резко зашипел:

— Тише! Погаси!

— Почему?

— Такое эхо они точно услышат! — голос его дрожал.

Мира тут же погасила пламя и снова села рядом. Джансу тяжело дышал, глаза метались. Он заговорил снова — но голос изменился. Он стал ломким, резким, будто скрежет осколков стекла по камню.

— Эхо... эхо... оно трещит! — он выговаривал слова с трудом, каждый звук будто резал уши. — Оно тянется по жилам, по скалам, по горам. Оно ищет. Оно зовёт. Оно зовёт тебя.

Миру пробрал холод. Она вжалась в спинку стула, сердце билось быстрее. Джансу сидел неподвижно, но казалось, будто сама его фигура вот-вот расколется, как каменная статуя, и рассыплется на куски.

Несколько минут он говорил так — монотонно, ломко, будто говорил не он сам, а чужой голос через его рот. Потом всё оборвалось. Мужчина моргнул, как после сна, и посмотрел на Миру совершенно спокойно.

— У каждого свой дар, — заговорил он уже своим обычным тоном. — Кто-то двигает камни, кто-то зовёт дождь. У тебя — пламя. Сначала оно было искрой, а теперь смотри: словно плащ на тебе. И что ты с ним сделаешь? Хочешь просто освещать дорогу?

— Когда я впервые попробовала, мастер Тахир сказал представить пламя. Но до этого у меня вырвалась молния.

— Так представь молнию! Или что хочешь. Снежки, камни, ветер. Всё, что ты вообразишь, может стать формой. Всё — пока веришь в это.

Он положил ладонь на её руку и тихо добавил:

— Только не здесь. Иначе точно набегут.

— Мастер, а какая у вас Люмина? — спросила Мира.

— А ты попробуй догадаться!

— Вы вырезаете фигурки из камня... Может, ваша сила связана именно с ним? Например, разбивать камни?

Джансу усмехнулся и покачал головой.

— Всё куда проще. Моя сила не выходит наружу. Она вся — во мне. Благодаря этому я очень силен, куда сильнее, чем кажусь. Поэтому и работаю с камнем так легко, будто режу масло. — Он поднял в тонких пальцах резец и улыбнулся. — Вот только инструменты не выдерживают. Постоянно ломаются... уже устал посылать за новыми.

Слова мастера застряли в голове у Миры. Впервые она задумалась: её Люмина тоже может принять разное обличие, скрываться внутри или проявляться наружу. И именно поэтому, когда в следующий раз она встретилась с Тахиром, девушка решила сказать вслух:

— Я хочу попробовать вызвать молнию.

— К чему это? — задумчиво спросил мастер. — У тебя ведь уже хорошо выходит пламя.

— Да, но молния... она появлялась сама собой. Не лучше ли научиться ею владеть, чем бояться?

— И к чему это привело в прошлом? — голос Тахира стал тяжёлым, взгляд недовольным.

Мира заколебалась. Он был прав: молнии уносили жизни. С того и началась её боль, её проклятие. Но теперь... всегда ли нужно прятаться от этого? Не лучше ли самой стать хозяйкой этой силы, чтобы больше никто невинный не пострадал? Или, если придётся, использовать её для защиты. Она знала — мастера осуждают убийство, учат хранить баланс. Именно поэтому тех, кто нарушал его, прозвали осквернёнными.

— Если я научусь управлять молниями, это не значит, что я буду убивать, — упрямо сказала девушка.

— Так ли это? — Тахир нахмурился. — У тебя уже был кровавый опыт.

— Да, знаю, — Мира опустила взгляд, — но я была вынуждена... Вы сами знаете. Я не хочу всё проговаривать снова.

Старик кивнул. Его глаза внимательно изучали ученицу: сжатые кулаки, упрямый подбородок, серьёзный взгляд. Она не отступит. Даже если он запретит.

— Лучше под моим присмотром, чем втайне, — наконец сказал он. — Пойдём.

Они вошли в тренировочную комнату. Гладкие каменные стены, следы старых ударов, в центре деревянные болванчики. Обычно с ними учились владеть посохами, но сегодня им предстояло другое. Тахир лёгким движением руки отодвинул все фигуры, оставив одну посередине.

— С ним и будешь учиться, — сказал он.

Мира встала напротив. Сердце билось чаще. Она протянула руку.

— Делать как раньше?

— Да. Только теперь представь не огонь. Пусть молния вырвется из твоей ладони.

Она закрыла глаза. Сосредоточилась. Внутри зашевелилось что-то дикое: яркий, рвущийся наружу поток. Синяя искра бежала по её венам, ударяла в сердце, скапливалась в ладони. Вспышка — грохот.

Она открыла глаза. На стене дымился чёрный след. Промах.

— Думаешь, всегда будешь колдовать с закрытыми глазами? — старик усмехнулся, встал за её спиной. — Смотри. Представь, что это камень в твоей руке. Прицелься... и брось.

Она вдохнула, прицелилась. Щёлк. Слабая тонкая молния сорвалась с пальцев и попала в болванчика. Девушка ахнула. Тахир одобрительно хлопнул её по плечу.

Мира повторила снова. И снова. Каждая вспышка становилась ярче, мощнее, громче. Синева наполняла комнату, треск рвал воздух. В один миг удар был таким сильным, что истукан потерял половину головы, обуглившись.

Девушка, сияя, повернулась к мастеру. Но улыбка замерла на её лице: в дверях стоял силуэт.

— Мастер Тахир, — голос Зараи прозвучал в дверях, острый, как клинок. Она шагнула внутрь и смерила их тяжёлым взглядом. — Что здесь происходит?

— Мира решила расширить свои способности, — спокойно ответил старик, не отрывая взгляда от ученицы.

— Мастер... но эта техника... Мы не используем её.

— Почему? — Тахир обернулся, и его голос зазвучал тихо, но твёрдо. — Потому что давно уже никто не знал, как её применять? Или потому что не хотел?

Зарая сжала губы, её лицо оставалось каменным.

— Я расскажу об этом остальным.

— Ты — главная сестра. Это твоя обязанность — следить за порядком. Делай, как считаешь нужным.

Она подошла ближе, наклонилась к его уху и едва слышно произнесла:

— Вы же знаете, кто она. Зачем вы обучаете её? Она убьёт нас всех.

— Мира уже знала молнию. Я лишь помог ей назвать её по имени, — отозвался он так же тихо.

Зарая недовольно фыркнула, метнула на девушку взгляд, полный презрения и тревоги, и развернулась, быстро покинув комнату.

Тахир вздохнул.

— Она всегда была слишком правильной, — пробормотал он, словно самому себе. — От этого и её беды.

Он посмотрел на Миру. В её глазах всё ещё плясали отблески синего света.

— Продолжай, — сказал он. — Время ещё есть.

Мира кивнула. Но когда она вновь подняла руку, чтобы вызвать молнию, в голове эхом звенели слова Зараи: *«Она убьёт нас всех»*.

И впервые за всё обучение она ощутила, что страх и надежда переплетаются в ней одинаково сильно.

Глава 8

Мире понадобилось время, чтобы уверенно обращаться с Люминой. Иногда силы оставляли её, и она падала без чувств. Изнурительные тренировки отражались и на теле, и на духе. Мастер Тахир предупреждал: Хранители должны беречь себя, не тратить Искру без меры. Чрезмерное напряжение способно истощить их до смерти. Мира кивала, соглашалась — но всё равно продолжала.

Мысли всё чаще возвращались к одному: что дальше? Она мечтала пройти посвящение, а потом покинуть обитель и вернуться к Лето. Но куда ведет её путь? Здесь, среди гладких скал и строгих правил, она чувствовала себя запертой в клетке. Это было похоже на Приют, где устав и дисциплина отнимали свободу.

Её семья мертва. Дом разрушен или давно отдан новому графу — ставленнику императора. В Империи её не ждёт ничего, кроме пустоты. Халаадар? Снова придворные интриги и роль служанки у императора Кана? Ей ли на такое соглашаться?

А ещё — жгучая мысль о мести. За семью. За украденное будущее. Но разве одна она способна противостоять императору?

Чем больше она размышляла, тем меньше страшило посвящение. Даже мысль, что оно может стоить ей жизни, перестала пугать. Если впереди нет светлого будущего, то, может быть, именно там — за завесой обряда — скрыт ключ к её настоящему предназначению.

Так однажды, собравшись с духом, Мира подошла к Тахиру. Он вместе с другим, незнакомым ей мастером, сидел во внутреннем дворе. Снег мерно падал на каменные плиты и тут же таял, оставляя влажные круги. Мужчины говорили тихо, словно опасались, что их подслушают ученики, занимавшиеся неподалёку.

— Мастер, позвольте вас отвлечь, — Мира поклонилась и опустилась рядом. — Я хотела бы обсудить с вами кое-что важное.

— Мы с тобой ещё не знакомы, — незнакомец наклонил голову. — Я мастер Рю.

Он улыбнулся добродушно, и длинные усы свисли вниз, как нити. Морщины рябили его лицо, а на лбу бледной полосой тянулся старый шрам.

— Мы с мастером Рю обсуждали наши запасы трав, — Тахир поправил складки халата. — Придётся раньше срока обратиться к привратникам. Возможно, уже завтра.

— Да, лето было довольно... волнительным, — Рю замялся, подбирая слово. — Беспокойным.

— Что-то случилось? — осторожно спросила Мира. Она знала: здесь не любили любопытных.

— Несколько учеников решились пройти посвящение, — Рю отвёл взгляд. — Окончилось всё... не слишком хорошо. Последствия были.

Он замолчал, словно решая — сказать правду или уберечь её.

— Такое бывает, — тихо добавил Тахир. — Не все выдерживают обряд. На моей памяти успешных было немного.

— Мастер, — Мира выпрямилась, набрав воздуха в грудь. — Я как раз хотела поговорить об этом. О посвящении.

Оба мужчины повернули головы к ней.

— И что же? — спросил Рю.

— Я хочу пройти его.

Старик рассмеялся. Тахир только тяжело выдохнул. Затем Рю хлопнул товарища по плечу и ушёл, оставив их вдвоём.

Тишина опустилась. Тахир не смотрел на Миру — его взгляд блуждал где-то в стороне, словно он и не слышал её слов.

— Извините, мастер... Почему мастер Рю рассмеялся?

— Мы как раз обсуждали твоё упрямство, — наконец сказал он. — Что именно ты, рано или поздно, заговоришь о ритуале.

— В этом же нет ничего плохого. Кроме того, что я могу умереть.

— Смерть будет для тебя лучшим исходом.

Мира вздрогнула.

— Вы так говорите... потому что сами прошли его?

Тахир кивнул. Потом медленно повернулся к ней. Его взгляд был тяжёлым и чужим, полным чего-то тёмного, почти враждебного. На миг Мире показалось, что смотрит не её учитель, а кто-то совсем другой.

— Ты хочешь копнуть глубже, чем остальные. Думаешь, у тебя хватит сил выдержать. Но что, если нет? Что, если правда окажется тяжелее, чем ты сможешь унести? — голос Тахира стал низким, почти глухим. — Как ты думаешь, почему многие не выдерживают посвящения?

— Может, они были слабы. Недостаточно владели своей Люминой, — ответила Мира после паузы.

Тахир криво усмехнулся.

— А ты? Ты всего несколько месяцев как научилась держать в руках огонь. И уже уверена, что сможешь пройти дальше, чем те, кто падал до тебя?

— Я не знаю, чего ожидать, — девушка подняла взгляд. — Не знаю, что будет завтра, или через месяц. Но мне нечего терять. Я готова рискнуть.

— А жизнь? — мастер наклонился ближе, его глаза блеснули странным холодом. — Не страшно потерять её?

— Нет.

— Хм... выходит, она для тебя ничего не значит?

— Ничего, — голос её дрогнул, но она упрямо сжала губы. — Что мне делать в мире, где моя семья мертва, а дом разрушен?

Тахир задержал на ней долгий взгляд. И вдруг мягко, почти тихо спросил:

— А тот мальчишка внизу, в деревне? Он не ждёт тебя? Он не важен?

Мира почувствовала, как в груди сжалось, будто холодная рука стиснула сердце. Ответ был очевиден, но произнести его значило показать слабость. Она заставила себя выдохнуть:

— Нет. Его жизнь продолжится и без меня. Как и прежде.

Тахир чуть склонил голову, и в уголках его губ мелькнула тень усмешки.

— Ты говоришь, что мальчишка не важен. Но глаза твои отвечают иначе. Запомни, Мира: можно лгать себе, можно лгать мастерам, но Люмине не солжёшь.

Он выпрямился, позволив словам осесть, и лишь потом продолжил:

— Ты знаешь, как проходит ритуал? — его голос стал тихим, но в нём звучал металл. — Ты заходишь в пещеру. Вход за тобой запечатывают. И там, в глубине, тебя ждут испытания. У каждого они свои. Один скажет потом, что бился с тысячей чудовищ. Другой — что выращивал дерево, которое всё увядало и падало. Третий — что плыл через море, не видя берега. Дни, недели, месяцы могут тянуться, а твоя борьба всё будет продолжаться. Борьба за жизнь. За разум.

Он сделал паузу, глядя куда-то в снежный воздух двора.

— И только если одержишь победу, получишь доступ к самым древним знаниям. К нашей истинной памяти. Твой отец называл это библиотекой. Но туда он так и не вошёл. Хотя жаждал знаний больше, чем самый прилежный из моих учеников. Забавно выходит, не находишь? Отец отказался от пути — чтобы дать жизнь тебе. А теперь именно ты, возможно, сможешь пройти то, чего он не осмелился.

Тахир задумался и умолк. Мира какое-то время смотрела на него, потом её внимание отвлекли ученики, пришедшие к источнику за водой. Они смеялись, переговаривались, легко и слаженно наполняли ведра. Казалось, для них не существовало никаких забот. Их мир был прост: еда, крыша над головой, тепло и плечо соседа рядом. Никаких дворцовых интриг, никаких сражений. Здесь никто не ссорился, не грыз друг друга за власть или за кусок хлеба.

Мире показалось, что она наблюдает за идиллической картиной — маленьким садом покоя, спрятанным от всего остального мира. Здесь можно было жить без страха, без боли, забыв о том, что когда-то было за пределами этих гор. И, может быть, многие люди отдали бы всё, лишь бы оказаться на её месте.

Но внутри Миры сидел червячок сомнения. Спокойствие казалось сладкой клеткой. В этом месте жизнь была предрешена Уставом: ни шага в сторону, всё расписано заранее. Она знала, что любой ученик мог уйти, но разве кто-то уходил? Большинство пряталось здесь от боли и преследований — и разве можно их осуждать? Нет. Но для неё это не было выходом.

Она сама не понимала, почему. Просто чувствовала: этот путь не её. Её ждало что-то другое — опасное, неправильное, но своё.

— Три дня, — наконец сказал Тахир. — Если за это время ты не передумаешь, тебя допустят к посвящению. Думай, набирайся сил. А если решишь отказаться — скажи мне.

Мира кивнула и поблагодарила мастера. Но внутри, под покровом спокойного согласия, уже пульсировало решение.

Мира кивнула и поблагодарила мастера. Но внутри, под покровом спокойного согласия, уже пульсировало решение.

Ей казалось, что она стоит перед высокой дверью из чёрного камня. Она не знала, что за ней — свет или тьма, спасение или гибель. Но эта дверь звала её. Манила. Пусть шаг туда был рискованным, но остаться перед ней, так и не решившись, было бы хуже.

Прошло три дня. Решение Миры осталось прежним.

Перед рассветом она попрощалась с Леоной. Женщина крепко обняла её, прижав тонкими руками к себе, и шёпотом подбодрила:

— Ты справишься. Просто верь себе.

Её голос дрожал, будто она прощалась навсегда. Мира почувствовала тепло этих слов и унесла его с собой.

Тахир и ещё несколько мастеров, чьих имён девушка даже не знала, повели её к месту посвящения. Дорога уходила в сторону от главных залов обители, пролегла между узким ущельем, где скалы смыкались так тесно, что свет пробивался лишь узкими полосами. Шаги гулко отдавались эхом, и с каждым шагом сердце Миры билось всё сильнее.

Наконец они вышли к разлому в скале. Вход был скрыт массивным камнем, поросшим мхом и лишайником. Несколько учеников подняли руки, и тяжёлый валун медленно сдвинулся, открывая тёмный проём. Изнутри дохнуло ледяным ветром, пахнувшим сыростью и древней тайной.

Мира остановилась прямо напротив. Внутри была лишь тьма — густая, непроницаемая.

— Когда войдёшь, останешься наедине с посвящением, — сказал Тахир и положил ладонь ей на плечо. — Проход закроют, но двое учеников будут ждать у входа. Они почувствуют твоё возвращение.

— А если я не вернусь? — спросила она тихо.

— Тогда тебя выведет сама Люмина.

— Я не понимаю... как это?

— Если случится так, — Тахир тяжело вздохнул, — главное, чтобы мы почувствовали, что ты готова выйти.

Мире показалось странным это объяснение, но никто не собирался вдаваться в подробности.

— Вы говорили, что некоторые оставались внутри месяцами, — напомнила она. — Но чем же питаться?

— Люмина будет тебе и едой, и сном. Если решит, что ты достойна.

К ним подошёл ещё один мастер.

— Время. Нужно закрывать.

Тахир кивнул, мягко подтолкнул Миру вперёд.

— Лишь Люмина решит, достойна ты или нет.

Девушка шагнула вперёд — и за её спиной с гулким грохотом сомкнулся камень. Свет исчез. Наступила тьма. Не просто отсутствие света — она будто ожила. Сразу прижалась к телу, обвилась, как невидимый плащ, сдавила грудь и плечи. Мира почувствовала, что эта тьма дышит вместе с ней, подстраивается под каждый шаг, будто сама скала наблюдает за ней.

Она подняла ладонь, и над пальцами вспыхнуло маленькое синее пламя. Тусклый свет дрогнул, очертил рваные стены пещеры. Шаг. Ещё шаг. Сначала казалось, что под ногами камень, но вскоре босые ступни коснулись холодной влаги. Вода. Она поднималась всё выше, и через несколько минут уже закрывала Мире пояс. Холод пробирался к коже, но она упрямо шла вперёд, держа руку над головой, чтобы огонёк не погас.

Перед ней выросли естественные арки, словно сама вода выточила в камне проходы. Своды сужались и расширялись, иногда казалось, что потолок вот-вот сомкнётся и раздавит её. Но путь вёл дальше.

И вдруг впереди — свет. Мягкий, тёплый, не похожий на её пламя. Она двинулась быстрее, и вскоре оказалась в просторной зале. Луч падал сверху, пробираясь сквозь трещины и щели где-то высоко над её головой. Там, где он касался воды, открывался островок камня.

Мира поднялась на него. Каменный «остров» был достаточно широким, чтобы можно было свободно ходить, но свет падал лишь на его центр. И там, прямо в скале, было углубление — очертания человеческого тела, заполненные водой. Она сразу поняла: ложе. Размером с мужчину.

Она осмотрелась — и по спине пробежал холодок. За пределами круга света стены исчезали. Вода, тьма и тишина слились воедино. Ни единого звука, ни малейшего шороха. Мир будто оборвался, оставив её одну.

Подчиняясь непонятному порыву, Мира медленно опустилась в это каменное ложе. Вода приняла её, затылок и уши ушли под поверхность, дыхание оставалось свободным. Тело мягко покачивалось, словно на чьих-то нежных руках. Она закрыла глаза и попыталась расслабиться. Дышать. Вдох. Выдох. Как учили.

Прошло время — но ничего не происходило. Тишина только крепла. Мысли зашевелились: «Может, я ошиблась? Может, нужно было сделать что-то другое?» Но Тахир говорил: каждый путь уникален.

И всё же ожидание превратилось в муку. Обида, гнев — они вспыхнули внутри, как искры. И в тот же миг тьма отозвалась.

Раздался смех. Детский. Звонкий, лёгкий.

Мира резко открыла глаза. «Показалось». Но через секунду эхо вернулось, громче, ближе. Она рывком поднялась, вода брызнула на лицо, мокрые волосы прилипли к щекам.

Сквозь капли она увидела — в воде что-то шевелится. Там была фигура.

Маленькая девочка стояла рядом, прямо посреди воды. Вода доходила ей лишь до щиколоток — хотя там, где несколько минут назад стояла Мира, плескалась уже по пояс. Девочка смотрела широко раскрытыми глазами, испуганно ахнула и, не проронив ни слова, метнулась в сторону теней.

— Эй! Подожди! — Мира бросилась следом.

Вода вдруг стала густой, как смола, и держала её, не желая отпускать. С усилием вырвавшись, она побежала — и с удивлением заметила, что вода едва ли касается колен. Будто уровень упал за секунду, хотя такого не могло быть.

Тьма впереди раздвинулась, и открылся проход. Узкий туннель, которого раньше не было. Или был, но она его не видела из-за света? Девушка вытянула руки перед собой, боясь удариться о каменные стены. Но стены не ощущались твёрдыми: местами они будто отступали, становились мягкими, как ткань.

Когда глаза привыкли, Мира вышла в новую залу. Просторное помещение, словно выдолбленное в камне, но странно ровное, гладкое, будто кто-то вылепил его руками. Девочки не было. Пусто.

Она оглянулась — позади зиял тот самый туннель. Казалось, что он дышит, сжимается и расширяется, как живой.

Мира уже собиралась повернуть назад, как вдруг за спиной раздался голос. Тёплый, знакомый.

— Дочка... не уходи.

Девушка замерла. Медленно обернулась.

Перед ней стоял её отец. Живой. Точно такой же, каким она запомнила его в последний раз — в день свадьбы сестры. Даже волосы уложены так же, складки на лице те же. Он улыбался, раскрыв объятия.

Сердце Миры колотилось, но не от страха. Всё казалось... правильным. Будто и должно быть так. Будто нормально встретить отца здесь, среди этой тьмы.

— Лети ко мне, пташка моя!

Нет, это не сон. Не мираж. Голос был таким родным, теплым, настоящим. Так всегда звал её отец. Мира почувствовала, как горло перехватило комком. Из глаз хлынули слёзы. Она бросилась к нему, обняла — крепко, жадно, будто боялась, что он растворится. Нет, он был здесь: живой, осязаемый, настоящий.

— Я думала... я думала, ты умер, отец! Ты сбежал? У тебя получилось?!

Он мягко отстранил её, посмотрел грустно, и тень легла на его лицо.

— Нет, Мира. Я мёртв.

Девушка резко отпрянула, сердце ударилось в грудь, дыхание сбилось.

— Не может быть! Но ты же... вот же ты стоишь передо мной!

— Здесь, да. Но не совсем.

— Что это значит?

— Когда носитель умирает, Люмина забирает его к себе. Сейчас ты соприкоснулась с ней так сильно, что можешь видеть всех нас.

— Всех? Я вижу только тебя, отец...

— Присмотрись.

Она моргнула. Вгляделась. И вдруг — позади него, из тьмы, будто вынырнули тени. Стройный ряд фигур, мужчин и женщин, бесконечный, уходящий во мрак. Их глаза блестели тусклым светом, лица менялись, дрожали, словно отражение в воде.

— Кто... кто они?

Голос отца слился с сотнями других, и ответ прогремел многоголосым эхом:

— Носители, что одной крови с тобой. Мы всегда были здесь. Внутри тебя. В Люмине.

Миру охватила дрожь. Ей вспомнились шёпоты, которые она слышала раньше, голоса, что порой нашёптывали ей слова в снах.

— Голоса... это были вы? Вы говорили со мной?

— Мы шептали тебе, — раздалось сразу отовсюду.

Она снова посмотрела на отца. Слёзы жгли глаза.

— Ты видел всё, что было со мной? Что я... что я сделала?

Стыд полоснул сердце. Отец, который всегда ею гордился, теперь видел её самой худшей.

— Можно и так сказать, — кивнул он. — Мы видели всё, что видела ты.

Мира сжала кулаки, стараясь не упасть духом. Если это был шанс... пусть даже призрачный... нельзя упустить.

— Я пришла сюда из-за твоих записей, папа. Я хочу избавиться от этого проклятия. От этой силы.

— Но ведь ты смогла ей овладеть, — отец поднял глаза на неё. — Управляешь ею. Ты можешь остаться в Обители и больше не скрываться. Ты будешь свободна.

— И что мне делать с этой свободой? — Мира резко вскинула руки. — Это место — та же тюрьма, только никто не хочет этого признавать.

— Знаешь, почему я искал это место? — голос его стал тише. — Мой отец тоже знал о Люмине. Он умел пользоваться ею, но скрывал. Как и другие из нашей семьи. В Империи носители под запретом. Таких, как мы, убивали. Особенно тех, кто принадлежал к знати. Я умел сдерживать силу, но дважды всё же пришлось её применить. Тогда, при Шторее. Когда выжил только я и Рейнхарт.

Он замолчал, и тень прошла по его лицу.

— Это была Люмина. Я отдал себя ей. Остальные... — он тяжело вздохнул. — Остальные погибли. Их жизни обратились в годы для меня и Галена.

Мира побледнела.

— Ты... ты забрал их жизнь? Солдат. Своих?

— Они уже умирали. Я лишь забрал остатки их сил. Их дыхание стало нашим.

«Ужасно», — подумала она, но не смогла произнести. К горлу подступила тошнота. Значит, убивать невинных было в их крови. Она не была одна такой — вся её семья несла этот проклятый грех.

— Я пришёл сюда, когда у Сеймура проявилась Люмина, — продолжил он. — Ему было всего десять. Твоя мать... Раэлин... она была в ужасе. Она не знала, как жить с этим. Её сын, мой наследник, каждый день был бы под угрозой. Она сходила с ума. Тогда я поднял старые записи отца, и они привели меня в Обитель.

— И ты нашёл ответ? Как избавиться от силы?

— Нет, но когда я вернулся, оказалось, что Раэлин уже нашла способ.

— Мама? — прошептала Мира.

— Да. Она просила меня не спрашивать. И я не спрашивал. Я был рад, что Сеймур больше не страдает. Линетт родилась обычной, потом ты. Твоя Люмина долго не проявлялась. Пока не погибла лошадь. А потом — Гейр. Раэлин снова начала паниковать. Когда ему было три года, он швырнул столик в кормилицу. Он так радовался своей силе... Но когда я вернулся с учений, Раэлин сказала, что всё кончено. Силы больше нет.

Мира затаила дыхание.

— И что с ним стало?

— Ты сама видела. Он замкнулся, притих. Стал другим. Я решил, что такова цена.

— Значит, мама что-то сделала?

— Я не знаю... она или кто-то другой.

— Но если здесь все носители семьи, значит, и Сеймур с Гейром тоже должны быть?

— Нет, Мира, — отец покачал головой. — Я не чувствую их. Они слишком редко пользовались Люминой. У них не было связи с ней. Им сюда путь закрыт.

Мира в упор посмотрела на него, и в её глазах вспыхнула злость.

— Отец... а ты не думаешь, что они умерли из-за тебя?

Он растерянно моргнул.

— Да, конечно... меня объявили предателем, на меня...

— Не об этом! — голос Миры сорвался. — Если бы у них осталась сила, они могли бы дать отпор! Смогли бы сбежать! Они были бы живы! А вы с матерью... вы решили за всех нас! Спрятали нас, сделали слабыми, как остальные. Но мы не такие!

Голос девушки становился всё громче, отдаваясь эхом в каменной зале. Отец слушал её спокойно — ни мускул не дрогнул на лице. Он не был безучастным, скорее умиротворённым, словно слова Миры не задели его.

— У всего есть своя цена, — наконец произнёс он. — Ты ведь и сама знаешь. Твоя рука... — он указал на её правое плечо. — Она ведь меняется, не так ли?

Миру будто обдало холодной водой. Откуда он знает? Ведь она никому не говорила. Ещё во дворце Халаадара, после пленения, рука часто начинала болеть, и на плече появилась тонкая чёрная нить. Почти незаметная, но жгучая. Она старалась не обращать внимания, но со временем нить начала спускаться вниз, иногда раздваивалась, словно ветви дерева. Связь с Люминой стала очевидной, и всё же Мира никогда не решалась назвать это вслух.

— Мы видим то, что видишь ты, — заговорил сонм голосов за спиной отца. — Когда ты используешь Люмину, это отражается на тебе: на теле, в крови, в душе.

— Но... почему у других я такого не замечала? — спросила Мира, стараясь скрыть тревогу.

— Ты же знаешь, что такое Баланс, — ответили голоса. — Равновесие между Светом и Тьмой, Добром и Злом. Мастера любят говорить о Балансе, но чаще всего сами его нарушают. Они учат: только светлые эмоции, только сострадание. Без гнева, без ярости. Они называют это гармонией.

— Но когда я злюсь... я чувствую, что становлюсь сильнее, — вырвалось у неё.

— Вот об этом мы и шептали тебе, — загремел хор. — Ты слушала нас. Ты росла через силу гнева.

Мира нахмурилась, сердце её забилося чаще. Да, она помнила — вспышки ярости делали её непобедимой. Но в Обители её учили обратному. Кому верить? Неужели отец и предки подталкивают её к тому, чего сама она боялась?

— Отец... — она обратилась прямо к Теодору. — Так мастера лгут? Всё это их учение о Балансе — обман?

Мужчина улыбнулся мягко, с усталой грустью.

— Послушай, Мира. Ты сама выбираешь, кем стать. Я пытался держаться Баланса. Но в нашем роду были и те, кто выбирал «Тьму». Теперь решать тебе.

Его взгляд вдруг метнулся за её плечо. Он будто увидел кого-то.

— Она уже здесь, — прошептал он.

— О ком ты?.. — Мира обернулась.

Мира повернулась — перед ней стояла та самая девочка, что только что убежала в темноту. Хрупкая фигурка, бледное лицо, мокрые волосы прилипли к щекам. Она смотрела на Миру широко раскрытыми глазами, а потом вдруг захихикала. Маленькая ладошка вытянулась вперёд, пальцы медленно разжались.

— Смотри... — прошептала она.

В тот же миг девочка дунула. Из её руки прямо в лицо Мире полетела серебристая пыль. Горло сжало изнутри, дыхание оборвалось. Девушка захрипела, пошатнулась и рухнула в воду.

Что-то мягкое и в то же время тяжёлое обволокло её тело. Когда Мира открыла глаза — вокруг была вода. Бездонная, бесконечная. Свет падал отовсюду и ниоткуда: ни теней, ни бликов, лишь ровное, глухое сияние. Пространство не имело начала и конца, и всё же она чувствовала — это не просто пещера.

Она попыталась двинуться — и не смогла. Вода была тягучей, вязкой, будто смола или мёд. Руки и ноги тонули в ней, словно в плену. И при этом — странный покой. Сердце билось глухо, в ушах стучала кровь, веки тяжелели. Казалось, стоит только закрыть глаза — и можно уснуть навсегда. Сбросить с плеч весь груз: боль, потери, эту чёртову Люмину.

Долой все беды, все невзгоды. Пропави пропадом вся эта Сила, эти страдания. Эта боль. Империя с ее императором. Ее родные. Нет, стоп. Как же так? Ее семья мертва, и все напрасно? Никто не ответит за их смерти? Зачем мстить, к чему это? Стоит ли кровью платить за кровь? Какой в этом прок? Потом придут они, другие, что захотят отомстить уже Мире. Да, ведь если бы она мстила, она бы убила многих. Вырезала весь Совет, императора. Всю его семью. Пусть страдают так, как страдала она. Пусть сердце каждого разорвется на сотни кусков, когда на их глазах она каждого казнит. Но зачем? И что потом? Появятся другие, рвущиеся до власти. Те, кто скажут, что она — предатель родины, убийца. Император и его семья — они станут мучениками. А ее вздернут, и займет она место рядом со своими убитыми родными.

Нет, всё не так. Мира будто пыталась пробудиться, понять себя, свои желания. Зачем она здесь? Ради чего живёт? Ради кого?

Мысли клубились, тянули её в разные стороны. «Мечь... я должна отомстить». Она видела перед собой лица Совета, императора, его семьи. Видела, как их гордые глаза тускнеют в предсмертной агонии. Хотелось верить, что тогда ей станет легче. Но вместе с этой картиной приходило другое — толпы людей, кричащих ей в спину: предательница, убийца. Её тянут на эшафот, и имя её семьи стирают с памяти. Император и его род — мученики. Она — палач.

«Зачем? — спрашивала она себя. — Что даст эта кровь? Родным моим уже не вернуть счастья. Они мертвы. Мертвее мёртвых».

В груди защемило. Никогда она не позволяла себе оплакать их по-настоящему. Ни крика, ни рыданий. Только злость и холодная решимость. Она бежала, пряталась, убивала — но не плакала. Никогда. Может быть, всё, что ей нужно было, — это сесть одна и выплакать всё до дна, вырвать из себя боль. Но она не позволяла. И теперь эта невыносимая тяжесть жгла изнутри.

«Так ради чего я хочу жить? Ради них? Или ради себя?»

Мысль ударила неожиданно, будто нож. Она делает всё не ради мёртвых. Ради себя. Ради того, чтобы хоть однажды почувствовать покой. Ради того, чтобы перестать бояться собственного отражения.

Но значит ли это, что нужно отказаться от пути? Смириться, остаться в Обители, принять тишину и правила? Нет. Это равносильно смерти. Клетка. Белый флаг. Она не смирится. Её путь — другой. Какой? Она ещё не знала. Но точно свой.

Тут Мира ощутила — воздуха больше нет. Лёгкие горели. Она дёрнулась, пытаясь грести руками, но вязкая вода тянула вниз, словно мёд или смола. Паника накрыла её. Но где-то внутри мелькнуло: «Нет. Я не сдамся». Она рванулась вперёд, силой воли вырываясь из липкой тьмы.

И вдруг что-то огромное, невидимое, словно сама Люмина, подтолкнуло её снизу.

Она вынырнула, не понимая как. А когда открыла глаза — снова камень. Небольшая зала внутри горы. Вода ручьями стекала с её волос и одежды. Всё было настоящим. Это не мог быть сон.

— Потерялась? — раздался детский голос.

Мира резко развернулась, ладонью пытаясь нащупать меч. Но ведь она оставила его в деревне... зачем ей показалось, что он здесь?

— А-а, — протянула девочка, стоявшая у кромки тени, — значит, ты искупалась в моих водах.

— Кто ты? — сухо спросила Мира. Сердце колотилось, будто в груди бился не её, а чужой страх.

— А на кого я похожа? — невинно вскинула брови малышка. — Просто девочка, потерялась тут.

— Не играй со мной, — Мира прищурилась. — В этих пещерах никто не живёт. Сюда приходят пройти испытания. Ты и есть оно, так ведь?

— Думаешь? Эх, что ж так! — девочка сложила руки за спиной и покачалась на пятках. — Неужели мой маскарад не удался?

Мира моргнула — и перед ней уже стояла не девочка, а она сама. Точная копия: черты лица, волосы, даже походка. Но в глазах отражения не было ни её сомнения, ни её боли. Только спокойствие и безупречная, пугающая уверенность. Улыбка — слишком правильная. Слишком живая, чтобы быть настоящей.

Мира замерла, пряча смутнение за маской холодного равнодушия.

— Так что же, я права? — произнесла она. — Ты и есть то самое посвящение. Испытание, о котором говорили мастера?

— Может, нет, а может — да... — голос отражения прозвучал мягко, но в нём сквозил металл.

«Играет со мной, — мелькнуло у Миры. — Наверное, так же она встречала многих. Чувствует себя здесь хозяйкой».

— Чувствую? — копия наклонила голову, улыбнувшись. — А может, я и есть здесь хозяйка?

Мира инстинктивно сделала шаг назад, и отражение повторило его, будто издеваясь.

— Да, — продолжила фигура, не мигая, — ты действительно в моих владениях. Но ответ проще, чем ты думаешь. Я — та Люмина, за которой ты пришла.

— И что тебе нужно от меня?

— Станный вопрос. Это же ты пришла ко мне, — копия качнула головой. — Ты хочешь понять, как мной управлять. Как меня приучить.

— И всё же... говорят, ты не всем раскрываешься. А некоторых здесь даже убиваешь.

— Что ты, что ты! — отражение театрально всплеснуло руками. — Они сами убивали себя. Глупцы не знали, как справиться со мной. Вот и не выдерживали моей мощи.

— Что ж... значит, мне нужно победить тебя?

Люмина рассмеялась. Смех был лёгким, но отозвался в глубинах горы, будто каменные стены вздрогнули, и тьма вокруг качнулась.

— Глупое дитя, — сказала она, и её голос стал низким, чужим, как скрежет осколков стекла. — Победи себя.

Мгновение — и мир провалился во тьму. А затем Мира оказалась посреди площади. Точно так же, как в её кошмарах. На помост медленно поднимается палач, его шаги гулко отдаются в тишине. В ряд, на коленях, стоит её семья. Избитые, изуродованные, залитые кровью. Лица распухли от ударов, губы растрескались. Но даже сквозь кровь и синяки они смотрят прямо на Миру, что застыла вдали, среди толпы. И она слышит их предсмертные слова — ясно, будто они шепчут ей прямо в ухо.

— Ты оставила меня, — хрипит отец. Топор взмывает, удар, и голова катится вниз, оставляя за собой алый след.

— Ушла, бросила... — захлёбывается плачем мать. Удар, и её тело падает, заливая доски кровью.

— Сестра! Где ты?! — кричит Амилия, и этот вопль разрывает воздух.

— Ты нужна была, когда тебя не было рядом! — рычит брат, пока сталь рассекает его шею.

— Оно того стоило?.. — едва слышно шепчет Адена.

— Почему?.. — выдыхает Гейр, и в тот же миг топор обрушивается.

Головы падают одна за другой, глухо стучаясь о деревянный настил, как тяжёлые камни. Кровь течёт к краям помоста и капает вниз густыми каплями.

Мира, оцепенев от ужаса, пытается рвануться вперёд, но ноги будто приросли к земле. И тут чьи-то жадные руки вырываются из тьмы и хватают её за плечи. Она оборачивается — и видит безликих. Лица стёрты, словно залиты чёрными чернилами, из пустых глазниц течёт мрак. Их пальцы холодные, костлявые, вонзаются в её кожу, оставляя синие отметины. Они тянутся к ней со всех сторон, алчут, хотят разорвать.

Вспышка стали. Лезвие ножа вонзается в живот. Боль пронзает тело, словно раскалённый металл, и отзывается эхом в душе. Она захлёбывается собственным криком. Второй удар, третий. Кровь льётся по её рукам, пальцы дрожат. Они бьют её, снова и снова, пока тело не ослабевает и не падает в пыль.

И снова тьма.

Но ненадолго.

Щёлк — та же площадь. Тот же палач. Те же лица. Мира дрожит: это не сон. Люмина играет с ней, мучает её. Нужно что-то делать! Она бросается вперёд — и опять руки. Опять холодные пальцы. Опять топор над её семьёй. Головы летят вниз, её разрывают ножи.

Щёлк. И снова. Её бросает из кошмара в кошмар. Может, отбиться? Она отчаянно раскидывает безликих, чувствует, как ломает их кости, но они лишь множатся. Родные всё равно гибнут. Сталь всё равно пронзает её плоть.

Щёлк. Опять. Она кричит, зовёт родных бежать, пытается отвлечь палача, бросается под удар вместо них. Но всё тщетно. Головы всё равно катятся по помосту, а её тело валится в грязь. Сотни, тысячи раз. Время распалось, стало липким и бесконечным. Каждая новая смерть — как заноза, глубже вонзающаяся в разум.

Так умирали те, кто не выдерживал испытания. Люмина перемалывала их до безумия, пока они не сдавались и не выходили из пещер пустыми оболочками. Неужели и с ней случится то же?

Мира страдала. Снова и снова переживала гибель семьи. Сотни раз видела, как палач заносит топор, слышала хруст костей и глухие удары голов о дерево. Тысячи раз ощущала на себе холодные руки безликих, чувствовала сталь в животе, вкус крови на губах. Петля тянулась, словно бесконечное страдание, годы и десятилетия, спрессованные в мгновения. Она умирала столько раз, что потеряла счёт. В какой-то миг исчезло само ощущение времени: дни, месяцы, целые жизни — всё смешалось в одно нескончаемое мучение. Казалось, она прожила десятки жизней и умерла в каждой из них. Душа её рвалась в клочья, но она упорно продолжала.

Нет. Она не сдастся. У неё есть свой путь. И теперь она это знает.

Что-то мелькнуло в голове. Точно! Как она не поняла сразу?

Щёлк — Мира вновь на площади. Палач идёт, заносит топор. Голова падает, за ней другая, ещё, ещё, ещё. Но девушка сидит неподвижно. Она слышит глухие удары, тяжёлое падение тел. И всё равно не двигается.

Она не чувствует рук. Лишь открывает глаза — перед ней мёртвые родные, их головы смотрят на неё пустыми глазами... и в этих глазах — странная, жуткая радость.

Безликие сущности стоят рядом, но не трогают её. Будто застыли.

И вдруг всё видение рассеивается, словно туман от резкого порыва ветра. Мира снова в пещере, там, где в последний раз видела Люмину. Казалось, прошло десятки лет.

— И что же ты поняла? — спросила Люмина, сидя напротив.

Мира поднялась. Её отражение — та же вторая Мира — сделало то же самое. Они всё ещё двигались синхронно, как зеркала.

— Мастера всегда говорили про принятие. Про Баланс, — начала она. — Это то, чего ты требуешь от них. Подчинения, если так можно сказать.

Люмина ядовито улыбнулась.

— Я сопротивлялась, — продолжила Мира. — Грезил о справедливости, о мести. Но этого нет. По крайней мере, не в том виде, как я себе это представляла. Не зря в Обители так приветствуют жизнь без насилия.

— Что ж, вижу, из тебя всё-таки вышел толк. Думаю, на это...

— Я не договорила, — перебила её Мира. — У каждой свой путь. И цель у каждой своя. Но дорогу мы выбираем сами. Я — как вода. Проточу её сквозь толщу камня, если придётся.

Она раскрыла руки, готовая обнять Люмину. Отражение повторило её жест. На лице той мелькнуло замешательство, но она не смогла противиться воле носителя.

— Без меня нет и тебя, — твёрдо сказала Мира. — Без Носителей ты лишь миф, легенда. Значит, ты подчиняешься нашей воле, даже имея здесь власть. Ты хотела отпустить меня, объявить, что я прошла испытание. Ведь с другими всё было так, не правда ли? Загнанные, сложенные жизнью, они искали только покоя. Ты хотела сломить меня, доказать, что месть ничего не решит.

И я благодарна тебе за это.

Мира сделала несколько шагов и обняла своё отражение. Обняла Люмину.

— И я принимаю тебя. Всю. Я стану тобой. Такой, какой ты была. Без Баланса и покаяния.

Она схватила отражение крепко, прижала к себе. Та в ответ стиснула её так же сильно. Мира представила, как поглощает её, как впитывает в себя. И вдруг ощутила волну — необъятную, сокрушающую. Она накрыла её целиком, каждую жилку, каждую мысль. Это было новое чувство, и вместе с тем — будто давно забытое.

Она открыла глаза. Образ Люмины растворился, впитался в неё, как влага в ткань. Мира приняла её без остатка. Сделала частью себя. Нет — сделала её собой.

Глава 9

Когда Мира пришла в себя, она не помнила, как выбралась из пещеры и как оказалась здесь. Она была в небольшой комнате, уже в Обители, это точно. Рядом с кроватью сидела Леона, задумалась о чем-то. Она увидела, что девушка открыла глаза, улыбнулась и вышла из комнаты.

— Мастер Фиола, она проснулась!

— Отлично! Иди к себе, дальше мы сами позаботимся.

Мира не пыталась встать. Голова кружилась, во рту пересохло. Живот ныл, будто от голода.

Но вместе с этим её переполняло странное чувство. В венах будто пульсировало голубое пламя, каждая жилка отзывалась лёгкой дрожью. Лёгкие наполнял воздух, и он казался плотнее, насыщеннее, чем прежде. Даже запахи и звуки стали резче: шаги за дверью отдавались эхом в груди, аромат сухих трав в комнате казался густым, как вино. Она ощущала Люмину иначе — острее, ярче, ближе. Казалось, она не просто слышала её, как раньше, а держала в руках, управляла каждой нотой Песни.

Ни один ученик, ни один хранитель не мог испытать того, что испытала она: они служили Люмине, а она вобрала её в себя. Теперь Мира казалось, что остальные добровольно носят оковы, ограничивая себя ради правил и гармонии. А она — сняла цепи. Эта мысль одновременно пугала и дарила сладкое чувство превосходств

К ней подошла высокая худая женщина, доброжелательно улыбнулась.

— Добрый день! Я — Фиола...

— Травница, местный лекарь, — перебила её Мира. — Видимо, мои дела были плохи.

— Ох, можно и так сказать, — она протянула девушке чашу с водой. — Выпей, но не торопись. Ты много дней была без воды и еды.

— Дней?

— Быть точнее, прошло почти две недели. Не знаю, на чём держалась твоя душа всё это время. Мы даже поить тебя не могли: ты не глотала.

Девушка почувствовала, как вода проникает в засохшее горло, было больно, будто камни рвали её изнутри. Она вернула посуду женщине и поблагодарила её. Мира видела Фиолу впервые, но было странное чувство, что она знала её давно.

— Я сама вышла?

— Ученики на входе почувствовали присутствие Люмины. Когда убрали камень, ты лежала на земле. Так что трудно сказать: дошла ли сама или тебя вынесла вода.

— Мне ещё долго здесь быть?

— А ты куда-то торопишься? — Фиола тепло улыбнулась. — Ты только пришла в себя. Полежи хотя бы пару дней. Мы уже и не думали, что ты вернёшься.

— Сколько меня не было?

— Пять дней. Так что отдыхай. Скоро принесут еду, нужно будет поесть.

Мира не удивилась, что время пролетело так быстро. Там, внутри, ей казалось, прошли десятилетия. Неделя или две теперь были для неё лишь мелочью.

Через пару дней Мира окончательно пришла в себя. Когда уже собиралась уходить, к ней вошла Леона.

— Она часто тебя навещала, пока ты лежала, — заметила Фиола, похлопав ученицу по плечу. — Разговаривала с тобой.

— Конечно! — вспыхнула Леона, улыбнувшись. — Мира заставила нас всех переполошиться. За ней нужен глаз да глаз!

— Ну, мастер Фиола отпускает меня, — мягко сказала Мира. — Так что больше не придётся беспокоиться.

— Знаю. Поэтому и пришла, — Леона шагнула ближе. — Мастер Тахир и остальные зовут тебя.

— Хотят узнать, как прошло посвящение, — догадалась Мира.

Леона кивнула. Они попрощались с травницей и вышли. По дороге молчали. Между ними повисло напряжённое молчание, но не враждебное — скорее тревожное, полное несказанных слов.

— Ты ведь тоже хочешь знать, как всё прошло? — тихо спросила Мира, бросив на неё взгляд.

Щёки Леоны порозовели. Она торопливо заговорила:

— Да! Я знаю, обычно об этом не рассказывают. Каждый должен пройти испытание сам... но мне слишком интересно! Прости!

Мира слабо улыбнулась.

— Вряд ли мой рассказ тебе понравится. И вряд ли он отличается от того, что ты слышала раньше. Скажу лишь одно: никакой библиотеки там нет.

Леона резко остановилась, схватила её за руку.

— Как? Но ведь нам говорят, что того, кто пройдёт испытание... ждут знания, летописи, история!

— Знания ты получишь. Но не из книг и не из свитков.

— А как тогда?..

Мира промолчала. Ей не хотелось разрушать ожидания Леоны, этого светлого, заботливого человека, который все эти дни сидел рядом и разговаривал с ней, пока она спала.

До самого зала они шли молча. Леона выглядела смущённой, но не сердитой — скорее озадаченной и всё ещё любопытной. У дверей она сжала Мирину руку чуть крепче, чем обычно.

— Я рада, что ты вернулась, — сказала она и улыбнулась почти по-детски, широко и искренне.

— Спасибо, Леона, — ответила Мира. — Без тебя я бы не справилась.

Они обменялись коротким кивком, и Леона быстро ушла, оставив в душе Мира тепло.

Мира ещё некоторое время смотрела ей вслед. Внутри что-то шевельнулось — тихое, но твёрдое решение. Леона была слишком чистой, слишком доверчивой для этого мира, и Мира знала: если придёт беда, она сделает всё, чтобы уберечь её.

— Рады видеть тебя в добром здравии! — поприветствовал Махир.

Жестом старик указал ей место в центре круглой комнаты. Рядом, на невысоких лавках, сидели другие мастера. Знакомы были только мастер Рю и тот, кто провожал её на посвящение; остальных Мира видела мельком и имён не знала. Встав в указанную точку, она ещё раз оглядела присутствующих и спросила:

— Я правильно понимаю, вы хотите узнать, как прошло посвящение?

— Судя по тому, что ты стоишь здесь, — улыбнулся рыжеволосый мужчина, — можно сказать, что успешно.

— Мастер Дервег просто не знает, сколько трав понадобилось, чтобы привести тебя в порядок, — вставил мастер Рю, сидевший в самом конце. — Вероятно, придётся пополнить запасы.

— Я благодарна вам и мастеру Фиоле за это, — поклонилась Мира. — Говорят, я долго была без сознания, хотя сама ничего не помню — даже как добралась до выхода.

— Да, такое бывало, — хмыкнул маленький сморщенный старик, глядя на Тахира. — Мастер Тахир, ученица ваша — что вы думаете?

— Думаю, что-то изменилось в ней, — ответил Тахир.

— Да, мы и сами чувствуем это. Ага, — проворчал старичок, поглаживая лысину, — только никак не могу понять, что именно... будто запах мясного жаркого, что ли...

Мужчины усмехнулись — шутка, похоже, была. Мира не рассмеялась. Она оставалась неподвижной, лишь изредка посматривая на говорящих. Её уже не интересовало, чего от неё ожидали; для себя всё было решено. Всё происходящее казалось пустой тратой времени, но проявить уважение к вышестоящим стоило.

— Ох, даже не улыбнулась! — прокомментировал старик. — Плохая шутка, видно.

— Видимо, ты теперь увереннее управляешься с Люминой, не так ли?

— Да, мастер Тахир. Я стала понимать её лучше, — спокойно ответила Мира.

— И что же ты поняла?

Мира замолчала. В голове всё казалось предельно ясным: ответы лежали у неё на ладони. Но когда её спросили, она на миг растерялась, затем глубоко вздохнула и спокойно произнесла:

— Носитель вправе сам выбирать, как использовать Люмину. И у меня есть путь. Раньше я хотела отомстить за гибель родных, но теперь...

Девушка сделала паузу, словно выбирая слова точнее.

— Сейчас я вижу другой путь. Я должна сделать так, чтобы история моей семьи больше не повторилась.

— И как же ты добьёшься этого? — прозвучал осторожный вопрос.

— Я свергну императора, — ответила Мира ровно и твёрдо.

В комнате повисла тишина — густая, как плащ. Сначала раздалась тяжёлая выдох, старичок прищелкнул языком, словно жалуясь себе под нос. Мира посмотрела на Тахира. Тот опустил глаза, потом спросил:

— И что же, ты всё-таки покинешь нас?

— Да, мастер, — спокойно ответила она. — Только так я добьюсь желаемого.

— Не страшно ли тебе будет там, совсем одной? — проворчал молчаливый мужчина с густой чёрной бородой.

— Я не буду одна, — сказала Мира кратко. Голос её был ровен, но где-то в груди пульсировало новое чувство — уверенность, тёплая и опасная одновременно.

— Ты что, собираешься объединиться с другими Носителями? Какой у тебя план? — рыжеволосый мастер хлопнул по колену; в голосе сквозила раздражённая нотка.

— Нет, я не стану беспокоить вас и ваших учеников. Ни тех, кто в столице. Я соберу армию. И даже если её уничтожат, я всё равно доберусь до императора.

— Откуда такая уверенность? — спросил Тахир мягко, но настороженно.

— Я видела это, — ответила Мира.

В зале раздались смешки. Даже маленький сморщенный старичок улыбнулся сквозь зубы.
— Вот это шутка, так шутка! — усмехнулся кто-то. — Девочка, тебе приснилось, или в бреду привиделось!

— Нет, — Мира встряла тише, но твёрдо. — Я видела это так же ясно, как вас сейчас. В той пещере.

— Что ж, предположим, Люмине захотелось показать тебе будущее, — спокойно произнёс мастер Рю. — Но это лишь одна из версий! Не более того. Не стоит надеяться на такое.

— Если это одна из версий, — ответила Мира, — значит, я сделаю всё, чтобы так оно и стало.

Рыжебородый вскочил. Он тыкнул пальцем в девушку, будто угрожал.

— Ты... если поставишь под удар Обитель и всех нас — то, что создавалось десятилетиями...

— То вы переломаете мне кости, так, мастер? — Мира смотрела прямо в его глаза. В этом взгляде не было угрозы; в нём слышалась усталость и тихая насмешка.

Вокруг на мгновение повисло недоумение: то на мужчину, то на Миру. Палец у первого начал нервно дрожать, лицо покраснело от злости.

— Вы ведь именно так и думали, не так ли? — продолжала Мира, голос её стал холоднее. — Вы ломали кости врагам, делали уродами. Но в отличие от меня вы калечили, а не убивали. Хотя порой вам, наверное, хотелось...

Откуда в ней эти слова? Мира сама не до конца понимала. Казалось, воспоминания всплывали внутри, как кадры старых сцен — чужие умения, старые жесты, чей-то опыт, отчётливо знакомый по ощущениям. Она видела, как тот мужчина сможет ломать, не касаясь — и в памяти пробежали чужие способы, чужая рука, чужой трюк.

— Хватит! — Тахир встал, резко вскинул руку.

Поток воздуха ударил Миру в плечо; она пошатнулась, но не упала. Удар был точен и силён — не чтобы сломать, а чтобы остановить слово.

— Тахир, успокойся, — поспешил старичок, шагнув к мастеру.

В комнате повисла оглушающая пауза, и в этой паузе Мира вдруг стало ясно: каждое её слово откликается дальше, чем кажется. Люмина во всём этом шептала ей согласие — тихое и смертоносное.

Он был маленьким, сгорбленным, как старое корящееся дерево. Говорили, в Обители живёт мастер старше самого Тахира — видимо, о нём и шла речь. Старик похлопал Тахира по плечу; тот на мгновение расслабился, поклонился товарищу и сел обратно на лавку. Его лицо стало спокойным, как гладь воды перед бурей.

Старик шагнул к Мире маленькими, уверенными шагами. Он был ниже её, но казалось, в нём — стальной, натруженный дух. Так чувствовала Мира: не рост делает человека великим, а дух.

— Меня зовут мастер Окрам, — произнёс он сухим голосом, и на его лице расплылась улыбка, в складках которой заиграли морщины. — Но все зовут меня старик Окрам. Или старая змеюка, что никак не сдохнет. Ты пугаешь остальных своими рассказами. Разве нравится тебе так пугать?

— Нет, мастер, — ответила Мира спокойно.

— Вот и видишь: они и так боятся тебя. Пришла — и не прошло и года, а уже прошла посвящение. Как так? Мы — тоже прошли посвящение, я в том числе. Но не так быстро, как ты. У нас были товарищи, которые погибли: разум их ушёл в ту пещеру, хоть и были они сильны. И что в тебе такого особенного, юная миледи?

Он говорил спокойно, как учитель, выводящий ученика на верный ответ. Обходя, он наблюдал её реакцию, пока Мира пыталась собрать мысли. И вправду — с чего это у неё всё

получилось? Ведь она недавно узнала о Люмине; недавно научилась ей управлять. А тут — такой перелом.

В душе что-то шевельнулось: не просто догадка, а навязчивая уверенность. Будто сама Люмина подталкивала, шептала, как поступить, как идти к цели. Не для слепой мести, а ради справедливости — так ей казалось. Миг за мигом в голове мелькали сцены из пещеры: разговор с тенью, поглощение, обещание, и чувство — она была не единственной, кто так поступал. Возможно, и мастера когда-то заключили свой договор с Песнью, приняли её условия, признали Баланс и подчинили себя мощи. Но почему? От страха перед неизведанным? Или они просто не знали другого пути?

— Моя кровь, — наконец сказала Мира. — Меня отличает от вас моя кровь. Я — из рода Олластеров, правителей Алитеи. Мой род древний: ещё до основания Империи мои предки правили этими землями. В семье всегда были Носители. Это не случайность — моя Люмина во мне по рождению.

Окрам задумчиво склонил голову, затем протянул сухие ладони.

— Хм. Быть может, так и есть, — сказал он. — Дай руки. Хочу посмотреть.

Мира покорно протянула руки. Ладони мастера оказались неожиданно тёплыми. Странно — в этом дряблом, почти увядшем теле чувствовался упругий дух, сила, что не сложили годы. Девушка ощутила, как Окрам коснулся её через Люмину. Он не лез в память — нет, но настроение, пульс эмоций, скрытые вибрации души ему были доступны. Он, как и Тахир, умел влиять на чувства, приглушать или подстёгивать их.

Пока старик «читал» её, несколько раз хмыкнул, один раз даже усмехнулся — будто увидел в ней то, что она сама ещё не осознала.

— В голове у тебя пока хаос, — произнёс он наконец. — Люмина там хорошенько поработала. Но ничего... со временем воспоминания вернутся. А пока — твой ответ верен. В какой-то мере.

Он вернулся на своё место. Остальные мастера следили за Мирой не мигая, будто ждали ещё чего-то.

Мира выпрямилась. Голос её звучал спокойно, но за спокойствием пряталась сталь:

— Я ищу не смерти и не войны. Я ищу мира. Я знаю, что вы чтите Баланс и стремитесь к нему. Но я не пойду по вашему пути. У меня есть свои цели. Чтобы достичь их, я покину Обитель, как только смогу.

Мастера переглянулись. И почти одновременно поднялись со своих мест. Их молчание звучало громче слов. Вышел вперёд Тахир:

— Мы не можем тебя удерживать, — сказал он. — Пусть твои слова и тревожат нас, но лишать тебя свободы мы не вправе. Что ж, покинешь Обитель тогда, когда пожелаешь. Только об одном просим.

Мира кивнула.

— Не возвращайся сюда, — тихо произнёс он.

— Запрещаете? — её бровь удивлённо вздрогнула.

— Нет, — покачал головой Тахир. — Это просьба. Что бы ты ни совершила, какую бы жизнь ни избрала, не приноси это в наш мир покоя.

— Я понимаю, — Мира поклонилась. — Выполню вашу просьбу.

Тахир чуть наклонился вперёд, будто хотел ответить поклоном, но в последний миг сдержался.

— Ты свободна, — произнёс он. — Мы с мастерами останемся здесь. У нас есть что обсудить.

Мира поблагодарила их и вышла.

Шаги за спиной заставили её остановиться. Она обернулась. Из тени коридора вышел высокий мужчина с приглаженными волосами. Лицо — молодое, гладкое, но в нём таилось

что-то тёмное, скрытое. Его улыбка была слишком ровной, чтобы быть настоящей, а голос, мягкий и сладкий, не приносил доверия.

— Миледи Мирайн, позвольте переговорить, — голос прозвучал мягко, чуть растянуто, почти певуче.

Мужчина двигался плавно, женственно. Его одежда напоминала местную, но ткань была слишком хороша — роскошь, что не позволяли себе даже мастера.

— Вы говорите иначе, чем остальные, — заметила Мира.

— Мне лестно это слышать, миледи, — Корин слегка склонил голову. — Значит, мои усилия не напрасны. Пройдёмте. — Он указал в сторону выхода.

— Мы ведь не знакомы?

— Ах да, простите. Мастер Корин, к вашим услугам.

Мира нахмурилась. Что-то было не так. Будто мягкое, тёплое покрывало опустилось на её разум. Доброжелательность? Но настоящая ли? Сердце подсказывало обратное.

— Ваши способности похожи на дары мастера Окрама? — спросила она.

— Вы разгадали меня, миледи. — Корин тихо рассмеялся. — Обычно окружающие без труда поддаются моим «чарам». Вы же распознали их сразу.

В его голосе сквозило жеманство, в улыбке — лесть. Он пользовался своим даром постоянно, даже сейчас, хотя Мира ясно дала понять, что видит Люмину в его жестах.

— Так о чём вы хотели говорить?

— Вы удивили мастеров. Многие встревожены, но на меня вы произвели впечатление весьма положительное.

— Почему?

— Как же... дочь графа Олластера, знатная кровь, ум и сила. Это нельзя игнорировать.

— Так вам интереснее мой род или моя Люмина?

Корин слегка повёл плечом, как актёр на сцене.

— Имя Олластеров ныне вызывает споры. Но вспомните: сколько семей император когда-то разорил, а потом простил? Может быть, и вас ждёт подобное...

— К чему вы клоните?

Они вышли во внутренний двор. Ученики носили воду, другие сидели у источника. Лёгкий снег падал, но таял, не касаясь земли.

— Видите ли, — Корин понизил голос, — моё занятие не все приветствуют. Но оно полезно и нам, и внешнему миру. Через Носителей, покинувших Обитель, мы собираем сведения, заключаем союзы. Краткие, но выгодные контракты.

— Например?

— Не могу раскрывать всего, миледи. Но скажем: повлиять на принятие важного решения — это в нашей власти.

— Значит, вы зарабатываете своими дарами? Нарушаете Баланс?

— Миледи, вы сами сказали, что Баланс — лишь слово. Мы решаем сами, что он значит.

— А вы сами путешествуете? Влияете на других?

— Я — скромный посредник между Обителью и миром, — произнёс он, слегка прищурившись.

Мира смотрела прямо в его глаза. И вдруг... что-то дрогнуло в её сознании. Будто забытые воспоминания начали пробуждаться. Голова заныла. Перед глазами вспыхнули образы: юный Корин, гордый, из знатного дома; его решимость изменить судьбу; стремление доказать мастерам своё право влиять на Империю.

Мгновение — и Мира поняла: это были не её воспоминания. Она видела прошлое Корины.

Сердце заколотилось быстрее. Значит, Люмина открыла ей новый путь? Она могла не только чувствовать эмоции, как Окрам, но и читать прошлое других. И это ощущение было пугающе ясным, слишком реальным, будто она сама прожила эти годы.

— Мастер Корин, — Мира потеряла виски, стараясь скрыть волнение. — Какие цели у вас на самом деле?

— Служить Обители, разумеется.

— И многим вы помогли?

— Благодаря моим связям сюда поступают редкие травы, которых нет у привратников и в долинах.

— А я уж подумала, что вы мечтаете вернуть свой титул, — Мира усмехнулась и посмотрела на него свысока.

Он замер. Лишь на миг — и снова надел маску радушия.

— Миледи, не знаю, кто наговорил вам обо мне...

— Семья Корин. Вы ведь из Домена?

Корин вздохнул.

— Когда-то мои предки жили там, да...

— Отсюда и ваше рвение к «внешнему миру». Вы хотите вернуться туда, откуда вас когда-то выдернули.

Мужчина молчал. Сладкая улыбка оставалась на лице, но в глазах мелькнуло что-то жёсткое. Он не ожидал такого поворота — будто кто-то раскрыл Мира все его тайны.

В голове Корина вихрем пронеслись мысли. Кто мог? Те мастера, что помнили его ещё юнцом? Но сейчас они сидели на совете. И никто бы не стал зря упоминать его имя перед этой девчонкой. Нет, Мира знала слишком много. Слишком точно.

Он сжал челюсти, сохраняя маску любезности. А внутри кипело: мастера презирали его, считали пустым, бесполезным. А он презирал их — жалких, запертых, живущих без цели. Убей их всех, и мир не заметит. Но он? Он жаждал влиять на историю. Не быть придатком, а стать её частью.

Снаружи — ни тени эмоций. Лишь затянувшееся молчание, от которого Мира поняла: Корин погрузился в тяжёлые размышления, выискивал выход.

— Я не буду работать на вас, — разорвала тишину девушка. Её голос прозвучал твёрдо, без колебаний. — Не стану служить вашей цели. Думаю, вы справитесь без меня.

— Вы опечалили меня, миледи, — Корин склонил голову, улыбка так и не дрогнула. — Но всё же я рад, что наш разговор состоялся. Быть может, однажды ваше мнение изменится.

Он поклонился и медленно удалился в залы, из которых они вышли.

Мира осталась одна. В сердце её тлело странное ощущение: это был не конец. Они встретятся вновь. Но та встреча будет иной — и доброй её назвать не получится.

Глава 10

Ранним утром Миру разбудил Тахир. Его голос звучал ровно, без эмоций.

— Пора собираться. Сегодня ты покидаешь Обитель.

Он был спокоен, но в этой отстранённости чувствовалось упрямое разочарование. Ни злости, ни тепла — словно черта, подведённая под их отношения. Сказав это, он вышел, и к Мира подошла Леона. В руках у неё была стопка чистой одежды.

— Мастер Тахир велел выдать тебе тёплые вещи. Чтобы твой путь был легче, — сказала она тихо.

— А по нему и не скажешь, что он желает мне лёгкой дороги, — Мира попыталась улыбкой рассмешить подругу.

Леона ответила робкой усмешкой и потупила взгляд.

— Я буду скучать по нашим разговорам, — призналась она, протягивая одежду. — Мне нравились твои истории о войнах и сражениях.

— Скажи честно, теперь ты собираешься пройти посвящение?

Щёки Леоны вспыхнули. Она заламывала руки, беспокойно глядя на Миру.

— Думаешь, у меня не выйдет? Что я не справлюсь? Да?

— Дело не в этом...

— Мастера считают меня слабой, — с горечью сказала она. — Я здесь дольше тебя, и всё равно... ничего.

Мира знала, что это правда. Леона могла снимать боль — но часто её дар оборачивался иначе. Вместо облегчения приходила глухота ощущений, а иной раз боль только усиливалась. Потому её чаще держали с Фиолой, под присмотром.

— Даже если ты пройдёшь посвящение, — Мира взяла её за руки, — это не сделает тебя сильнее. Оно принесёт лишь новые тяготы.

— Но я... я... — голос Леоны дрогнул, слышались всхлипы. — Я бесполезна. У меня ничего не выходит.

— Когда ты убираешь боль, — спросила Мира, вглядываясь в её глаза, — ты ведь боишься сделать хуже? Боишься, что навредишь?

Леона кивнула, слёзы катились по щекам.

— Так, может, в этом и твоя суть?

— Что? — она вскинула голову.

— Делать боль.

Леона резко вырвала руки, будто обожглась. Протёрла ладони о платье, словно смывала грязь.

— Ты знаешь, что нам запрещено причинять боль!

— В этом и проблема. Ты слишком боишься нарушить правило, чтобы увидеть настоящую силу. Ты можешь и убирать боль, и дарить её. Это не делает тебя чудовищем. Это делает тебя собой.

Женщина застыла. Посмотрела на руки, будто пыталась рассмотреть в них то, о чём говорила Мира. Но затем тряхнула головой, отступила назад.

— Теперь я понимаю, почему Тахир так в тебе разочарован!

Она выбежала из комнаты, оставив за собой пустоту.

Мира лишь кивнула — не Леоне, а самой себе, как будто соглашаясь с невидимым собеседником. Затем оделась. Одежды у неё почти не было: пришла с пустыми руками — и уходила так же. Новый костюм сидел плотно, тёплая ткань грела. Накидка из шерсти была особенно мягкой. Жаль, зима скоро кончится, и она не успеет поносить её как следует.

На улице у ворот ждал Тахир. Он стоял спиной к ней, наблюдая за двором. Ученики занимались обычными делами — носили воду, сидели у источника. Никто не смотрел на Миру, хотя шёпот за спиной выдавал: все знали о её уходе. Просто делали вид, что это обычный день. Может, по приказу мастеров.

— Надеюсь, одежда удобна, — сказал Тахир, не оборачиваясь. — Это наш прощальный подарок.

Тахир шёл впереди, не оборачиваясь. Мира сразу поняла, куда они направляются: к скале и входу в пещеру — туда, где началась её жизнь в Обители.

По пути она ловила взгляды учеников. Никто прямо не смотрел на неё, но вдалеке она заметила глаза Леоны. Та всё же решилась выйти и проводить подругу... но, встретившись с её кивком, отвела взгляд, словно ужаленная.

У входа в пещеру стоял мастер Джансу. Он весело помахал рукой, будто приветствовал старого друга.

— Мастер Джансу хотел бы с тобой поговорить, — сказал Тахир. — А я... прощай.

— Мастер, по стойте, — Мира остановила его. — Вы просто уйдёте, ничего не сказав?

Тахир впервые посмотрел ей прямо в глаза. Его лицо оставалось строгим, но в глубине зрачков скрывалось беспокойство.

— Я отпускаю тебя с тяжёлым сердцем, — сказал он. — Не потому, что теряю ученицу. Ты несёшь с собой разрушение. И я ничего не могу с этим сделать. Ты обещала не приносить свою войну сюда... но уже принесла. Другие мастера встревожены. Ты посеяла смятение, с которым я не хочу сталкиваться.

Слова мастера эхом отозвались в голове Миры. Тяжёлые, как камень, они могли бы раздавить — но она оттолкнула их. Не приняла. Не захотела.

Она поклонилась.

— По крайней мере, вы честны со мной.

— Честность порой убивает, — ответил он и, кивнув, ушёл.

Мира смотрела ему вслед, словно надеясь, что он обернётся и скажет ещё что-то — о будущем, о том, каким монстром он её видит. Но он не оглянулся.

У пещеры её ждал Джансу. Он улыбался во весь рот.

— Давненько я не был на свежем воздухе! — сказал он нараспев.

— Вы счастливы, мастер? — Мира прищурилась. — Неужели воздух так действует?

— И это тоже. Я слишком много времени провожу в четырёх стенах... Пыль, знаешь ли, вредна для здоровья. Что ж, добились своего, верно?

— Да, мастер. В том числе благодаря вам.

— О, что же я такого сделал? — протянул он нарочито удивлённо.

— Вы сказали: идти и добиваться цели самой. А не ждать, пока позволят.

Джансу засмеялся.

— Вряд ли я говорил именно так... Но если ты так услышала — пусть будет. Кстати, я принёс тебе кое-что.

Он развернул свёрток. На ладони лежала маленькая фигурка из камня — птица, тонкая работа: видны были перья, острые когти.

— Птица... — прошептала Мира.

— Скворец! В моей деревне верили: дрозды и скворцы приносят весну и перемены.

— Романтично. Вот только я пришла сюда зимой.

— Дело не в сезоне, девочка. Дело в том, что ты несёшь с собой. Ты взбудоражила это гнездо — собрание старых лодырей. Только и делают, что сидят и командуют.

Мира улыбнулась.

— Не думала, что кто-то в Обители может быть против нынешних порядков.

— А ты думаешь, я по доброй воле заперся в каморке, вырезая камушки?

Она промолчала. И вдруг — образ. Яркий, словно вспышка: молодой Джансу, вызванный на совет мастеров. Ошибка. Ученик, искалеченный обрушившейся породой. Его вина. Его наказание — одиночество, запрет на использование Люмины во всём, кроме безобидных поделок.

Мира тяжело вздохнула. Ей стало жаль его — мужчину, чьи силы заковали в камень, чьи амбиции переломали. Боль и бессилие навалились на неё, словно чужая ноша. Она хотела обнять его, но сдержалась: знала, он не потерпит жалости.

Она прижала фигурку к груди. Каменные глаза скворца сверкнули в свете утра — и Мира вдруг почувствовала, что птица смотрит прямо на неё. В этом взгляде было и молчаливое одобрение, и предупреждение: даже дар может стать клеткой, если позволить другим заковать его в камень.

— Я сохраню её. Пусть во всех путешествиях будет рядом. Спасибо вам.

Джансу довольно похлопал себя по животу, потом вдруг забеспокоился, закрутил головой.

— Ой, тебе же пора! Совсем забыли, не потеряйся! Мне ещё обратно топать, а то мастер Тахир ругаться будет. Ладно, бывай!

Он махнул рукой и быстро направился ко двору, растворяясь среди учеников. Мира поклонилась ему вслед — лёгкий знак уважения чудаку, который, возможно, понимал её больше, чем все остальные мастера вместе взятые.

Она обернулась к Обителю. Последний взгляд — на холодные стены, на мрачный проём пещеры. Там, в глубине, остались её испытания, её смерть и возрождение. Сердце кольнула тоска — крошечная крупичка, но хватило её, чтобы захотеть уйти прочь, пока она не проросла в новые корни.

Спуск вниз оказался непростым. Чем дальше уходила она от замёрзших высот, тем явственнее чувствовалось дыхание весны. Солнце било ярко, но почти не грело. Снег сходил пятнами, обнажая каменные зубья скал и клочья пожухлой травы. Снизу всё громче поднимался щебет птиц.

Обитель показалась ей отдельным миром — заключённым в снег и лёд, неподвижным, чуждым времени. Внизу же жизнь кипела. Долина раскрывалась перед ней: холмы, как юные тела, вздымались и спадали, меж ними блестели тёмные воды разливов. Всё таяло, оживало, рвалось к цветению.

А Мира несла в груди обломок той холодной тишины. Что-то замёрзшее осталось в сердце — идея, мысль, тень, которая не желала уходить. Она чувствовала: гора выталкивает её, словно невидимая сила гнала вниз. Не приняла её Обитель. Для мастеров она осталась чужой — не той, кто смиренно покорился Балансу, а беглянкой, унесшей с собой их тайны.

Люмина открылась ей иначе. Не как мягкий шёпот гармонии, а как жёсткая воля, требующая ответа. От этого она не чувствовала себя избранной. Скорее проклятой: тень от лошади, убитой когда-то, легла на неё ещё тяжелее. Но теперь рядом с проклятием стояла уверенность. Она знала — справится. Пусть не всё ещё понято, пусть грани Люмины остаются скрытыми, но впереди время, и она выучит их. Эта мысль грела, вместо того чтобы сковывать.

Солнце клонилось к закату, когда перед Мирой распахнулись ворота деревни. Стражники, заметив её, склонили головы и молча пропустили. Ни вопросов, ни преград — лишь почтительная тишина.

Для Миры это было естественно. В долине Носителей давно превратили в легенду, и увидеть живого считалось почти чудом. Так и должно было быть: низкий поклон и путь свободен.

Один из мужчин шагнул вперёд.

— Позвольте, я провожу вас к старосте Крастосу.

В доме старосты Крастоса люди стояли и сидели, обсуждая свои дела вполголоса. Когда он заметил Миру, кивнул и подозвал сопровождавшего её человека; тот отошёл к воротам, а староста обратился к девушке.

— Рад видеть тебя в добром здравии, — коротко сказал Крастос, глядя прямо в лицо. — Вижу, пребывание у Носителей оставило след.

Мира поклонилась и поблагодарила.

— И что, ты нашла то, что искала? — спросил он прямо.

Вокруг тянулась тишина. Мужчины, женщины, подростки смотрели на них, не вмешиваясь.

— Я не нашла ответа, — ответила Мира.

— Да? — Крастос усмехнулся. — Странно... Как же все знания, чем обладают Носители?

Ей казалось, что он поддразнивает. Он знал чуть больше, чем показывал, поэтому осторожно подходил к вопросам.

— Я не нашла ответа, потому что его нет. Невозможно отказаться от Люмины, — сказала Мира ровно.

Тонкие губы старосты растянулись в подобии усмешки. Он провёл рукой по густой бороде и спросил:

— И что дальше, юная Носительница? Ты ушла от своих — и всё ради чего?

— Чтобы начать войну, — коротко ответила она.

Крастос фыркнул. Вокруг зашелестели голоса: кто-то нервно переглянулся, кто-то стал ближе. Мира слышала приглушённые реплики воинов.

— Против кого? — спросил староста.

— Против императора, — произнесла она.

— Хм. Я думал, будет что-то... более внутреннее. Война с собой, с душой. А тут — сразу на главу земель. Откуда такая уверенность? — Крастос смотрел прямо, без лести.

— Не говорю, что сразу нападёт. И не одна. Когда доберётся, буду не одна.

Староста рассмеялся, но не жестоко — скорее, с вызовом.

— Ты просишь моих людей, — сказал он ровно. — Понимаешь, что это значит? Это не сбор шайки на капище. Мои мужчины не пойдут на смерть по первому зову. Они крестьянские руки и воинские сердца — не для чужих авантур. Что им светит за этим походом, скажи мне ты.

— Я знаю одно, — продолжила Мира, не давая старосте вставить слово. — Вы — потомки воинов с далёкого севера. Ваши деды шли в бой, а вы теперь пашете землю и пасёте скот. Скажите честно: разве им было бы приятно видеть потомков, сидящих в праздности?

В зале зашевелились. Кто-то брюзгливо фыркнул, кто-то переглянулся — слова резонировали. Мира поймала в ответных взглядах не только неудовольствие, но и любопытство.

— Я понимаю вашу роль, — тихо добавила она. — Вы оберегаете покой Носителей и их Обитатели. Но неужели среди вас не найдётся пара крепких мужчин, которым захочется испытать себя в бою?

Слова её повисли в воздухе. Много говорилось без слов: в глазах одних — сомнение, в глазах других — искра интереса. Мира поняла: шанс собрать отряд есть — если только староста не встанет поперёк.

Крастос хмыкнул, сдержанно и без улыбки.

— Представляю, как на это отреагировали бы Носители, — пробормотал он. — Если ты им всё рассказала, то, возможно, они и рады, что ты ушла. Так и я буду не в восторге, когда ты покинешь нашу деревню.

— Вы отказываете? — спросила Мира прямо.

Староста оглянулся на людей и поднял голос, обращаясь ко всем:

— Пусть каждый ответит сам. Кто хочет — пойдёт с этой девушкой. Я не удержу силой тех, кто желает уйти. Но учтите: путь будет тяжёлый и долгий. Это не прогулка по лесу — всё будет куда сложнее.

В зале повисла пауза; затем кто-то из мужчин шагнул вперёд, за ним ещё несколько. Шёпоты сменялись голосами, решимость росла. Наконец Крастос кивнул, принимая молчаливое решение общины.

Мира поблагодарила старосту. Она спросила, смогут ли дать ей кров над головой, пока она не покинула деревню. — Конечно, можешь не сомневаться! Тебя проводят.

Мира поклонилась и пошла к выходу. Среди толпы, что теснилась позади, она внезапно увидела знакомое лицо — Лето. Высокий, широкоплечий, он уже не был тем юношей, каким её память хранила. Волосы стали короче, щетина жёстко покрывала подбородок, плечи казались

шире. Он выглядел взрослее; в нём было что-то от тех, кто рубит лес и таскает брёвна — запах смолы и древесной пыли, следы работы на ладонях.

Он смотрел на неё пристально, но в его взгляде не было радости. Скорее — тревога и какая-то тихая обида, как у человека, которому больно увидеть изменившийся дом. Когда она шагнула к воротам, он незаметно встал боком и двинулся следом, словно тень, не желая привлекать внимания.

На улице сумерки сгущались. Лето подошёл ближе и встал рядом, так близко, что она уловила запах его одежды — пота и хвои.

— Я не так представлял твоё возвращение, — прошептал он низко.

— Привет, — ответила она коротко.

— Честно, — продолжил он, — я думал, что ты не вернёшься вовсе.

Она повернулась к нему и теперь могла рассмотреть лицо друга во всех деталях: тот же разрез глаз, та же линия носа, но взгляд стал глубже, взрослее — и оттого ещё роднее. Не выдержав, Мира бросилась к нему и крепко обняла. Его тело сначала застывало, будто забывшее, как отвечать на такое тепло; потом Лето словно пришёл в себя и обхватил её в ответ. Она почувствовала тяжёлое его дыхание — будто бегун, остановившийся после долгого рывка. Руки были твёрдые, чуть шершавые; он сжал её так, что казалось, мог поломать кости, но в сжатии было больше защиты, чем силы.

— Ты что, совсем медведем стал? — выдавила Мира сквозь улыбку и лёгкий укол в голосе. — Отпусти, а то помру раньше времени.

Он отпустил её не сразу, ещё на секунду задержавшись, как бы проверяя, действительно ли она здесь. В его взгляде мелькнуло что-то мягкое — редкая теплота, которую он хранил для неё одного.

Лето поспешно разжал объятия, но щеки его всё же залил румянец, пробившийся сквозь щетину.

— Извини... забылся, — неловко пробормотал он. — Я рад, что ты вернулась.

Мира улыбнулась — коротко, но искренне.

— Как ты? Тяжело жилось здесь?

— Нет, — он пожал плечами. — Сначала, конечно, косились. Думали, что я чужак. Но потом привыкли. Теперь даже спрашивают совета — про дрова, про лес. Всё наладилось.

— Где жил? — Мира прищурилась, будто проверяя его.

— Староста выделил мне домик у леса, поодаль. Место есть, тепло. Думаю... тебе лучше остановиться у меня, — голос его прозвучал чуть тише, чем обычно.

— Говоришь, как настоящий хозяин, — засмеялась она. — Ладно, показывай дорогу.

По пути им встречались местные. Мужчины кивали Лето, кто-то хлопал его по плечу, спрашивал про дрова или погоду. Он отвечал спокойно, уверенно — и было видно: его приняли. Он стал «своим» среди них. Мира же ловила на себе иные взгляды. Одни — почтительные, почти благоговейные. Другие — настороженные, сдержанные, словно она несла с собой чужую бурю.

Они подошли к небольшому деревянному дому. У крыльца аккуратно сложены поленья, рядом — простая скамья. Из щели под дверью пробивался тёплый свет.

— Добро пожаловать, — Лето замялся, но открыл дверь и пропустил её вперёд.

В лицо Мира пахнуло смолой и ягодами. «Берлога медведя», — мелькнуло у неё, когда взгляд упал на тёмную шкуру, раскинутую на полу. Вдоль стены тлела печь, и потрескивание дров казалось ей песней уюта. Лето сразу подошёл к ней, проверил огонь, подкинул поленьев.

— Раздевайся, наверняка замёрзла по дороге. Вещи развесим, быстрее высохнут, — сказал он, не поворачивая головы.

— Так сразу? — Мира вскинула брови.

Он обернулся и чуть не поперхнулся собственным дыханием.

— Я... я про верхнюю одежду! — поспешно заговорил Лето, руки его заметно дёрнулись, будто он хотел оправдаться жестом.

Мира звонко рассмеялась.

— А ты всё такой же. Совсем не понимаешь шуток.

Пока Мира снимала промокшую одежду и развешивала её на деревянные крючья и спинки стульев, Лето молча собрал на столе нехитрую еду: каша, горсть орехов и куски мяса. Ужин был скромный, но поданный так, будто он готовился к встрече с гостьей заранее.

Ели молча. Мира впервые за долгое время почувствовала вкус пищи. В Обители каша и отвары были лишь топливом — безвкусными, пустыми, как сама дисциплина. А сейчас каждый кусочек казался пиром. Щуплый кролик был для неё сочным и жирным, орехи — сладкими, почти медовыми. Даже простая каша согревала. Она жадно уплетала еду, пока Лето лишь неторопливо доедал остатки своей порции. Гостей он не ждал — и всё лучшее отдал ей.

После ужина они вдвоём убрали со стола, не произнеся ни слова. В этом молчании не было неловкости — лишь редкое чувство уюта, забытое за годы. Они сели рядом, ступни утонули в густой шкуре у печи. Огонь потрескивал, бросая оранжевые отблески на их лица. Сытость и тепло навалились, веки Миры стали тяжёлыми. Она чуть склонилась к Лето, как когда-то в детстве — на опушке леса, когда солнце клонится к закату и слова не нужны.

— Ты правду говорила тогда, у старосты? — вдруг спросил он. Голос его прозвучал низко и чуть хрипло, словно с трудом вырвался из груди.

— Конечно, — ответила она просто.

Лето на секунду замолчал, и в его взгляде что-то дрогнуло.

— Хм. Ты действительно изменилась.

В памяти всплыл её образ из зала: прямая осанка, уверенные слова, взгляд — твёрдый и холодный. Перед ним была уже не дерзкая девчонка, что бегала за ним по лугам, а женщина — сильная и смелая. Та, за которой он мог бы пойти хоть в огонь, хоть в воду.

И всё же рядом с ним сейчас сидела она — тёплая, живая, дышащая тем же воздухом. Лето чувствовал, как внутри его рвёт на части: спокойствие, что она вернулась, и пламя желания — обнять, прижать, удержать навсегда. Пусть никогда больше не уходит.

Но разве мог он, как какой-нибудь деревенский мужик, схватить её, прижать к себе до боли и жадно впитаться в её шею, в плечи? Он жил среди простого люда, рубил дрова, привык к их грубым повадкам, но воспитание и сама его натура не позволяли такой вольности. Он не имел права. Да и захочет ли она вообще взглянуть на него так, как влюблённые женщины смотрят на мужчин? Провести рукой по волосам, улыбнуться той тихой, нежной улыбкой, в которой больше чувств, чем в тысячах слов? Нет. Это было бы слишком. Невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.